

№ 113 (122)
июль-сентябрь 2023

Издаётся с января 2006 года.

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНЦКОГО)

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО СЕРГИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО
ВЫХОДИТ ДЕВЯТЬ РАЗ В ГОД. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antonius.ru

БУДЬ ВЕРЕН ДО КОНЦА

Мы привыкли во всякой нужде нашей обращаться к Богу за помощью. Ожидая, что на каждый наш зов, на крик тоски, страдания, страха Господь ответит, вступится за нас, защитит, утешит. Помня, что предельную Свою заботу о людях Он явил, став Человеком и умерев ради нас. Но и Бог постоянно обращается к человеку, прося каждого из нас быть Его живым присутствием в этом мире, Его живой заботой о ближних – зрячей, добродетельствующей, внимательной... Некоторых людей

Господь зовёт к более глубокому и полному личному служению Ему. Таково служение пророческое. Ветхозаветный пророк Амос говорил, что пророк – это человек, с которым Бог делится не только мыслями Своими, но и Своим делом. Так, когда пророк Исайя в видении созерцал Бога, озирающегося и говорящего: «Кого послать Мне?» – он встал и сказал: «Меня, Господи!...». Но среди служивших Богу всем сердцем есть тот, кого Христос назвал величайшим среди рождённых на земле.

Продолжение на стр. 2

И действительно, нет судьбы более величественной и более трагичной, чем судьба Иоанна Предтечи. Всю жизнь он посвятил тому, чтобы в сознании, в душах людей возрос Единственный, Который есть – Господь.

Первое, что говорится об Иоанне в Евангелии от Марка: Он глас, вопиющий в пустыне... Только голос, только благовестник. Неотличимый от своего служения, Предтеча стал Божиим Голосом; словно его как человека из плоти и крови, который может и тосковать, и страдать, и молиться, и искать, и, в конечном итоге, стоять перед грядущей смертью, – словно этого человека нет!.. Он и его призвание – одно и то же. Он – Голос Господень, звучащий среди пустыни людской. Потому что, хотя вокруг Иоанна были люди, но души их были пусты.

Сам Господь говорит о нём в Евангелии, что он – Друг Жениха. Друг, который так сильно любит жениха и невесту, что способен, забыв себя, служить их любви и остаться хранителем тайны этой любви.

МОТИВ ДЛЯ МОЛИТВЫ

Вячеславу Лютому

*Когда пойдёшь по Родине пешком,
не обойдёшь её – и не старайся.
Всё хорошо на ней и любо – словно Рай всё!..
И пахнет земляникой с молоком...
Но так – в душе. В твоей любви к земле,
которая повязана с тобою –
и песней, и дорогой, и судьбою,
и каплями на солнечном весле.*

*А наяву так много нещедрот,
и нестроений, и недоработок...
И только тот её бессмертный отрок –
всё тот же он, хоть кажется – не тот...
Он смотрит в небо и летит в зенит
в своей мечте – и не сгорит на солнце.
Течёт смола янтарная по соснам,
и над руками облако звенит...*

*Как мне свести всё это вместе с ней?
Моей земли судьбу – с судьбой моей России?!
Как все её колдобины осилить,
переплетая с криком журавлей?!
Откуда эта Вера и Мольба,
что всё случится так, как Бог положит,
что сам народ себе же и поможет –
и, отработав, пот смахнёт со лба?!
Надежда Мирошниченко*

Предтеча говорит о себе по отношению к Господу: Мне надо умаляться, сходить на нет, для того чтобы Он возрос... Надо, чтобы обо мне забыли, а помнили только о Нём, чтобы мои ученики от меня ушли, как Андрей и Иоанн на берегу Иордана, чтобы последовал неразделённым сердцем только за Ним, за Христом...

И вот – последний страшный образ Крестителя: уже в темнице, когда вокруг него сужалось кольцо смерти, и его великая душа заколебалась... Кончалась жизнь, в которой у него не было ничего своего; в его прошлом был только подвиг отречения от себя, а впереди – мрак. И когда смутился в нём дух, он послал учеников своих спросить у Христа: Ты ли Тот, Которого мы ожидали?... Если да, то стоило мне в юных летах заживо умереть; стоило умаляться из года в год, чтобы быть самому забытым, только бы образ Грядущего Господа и Царства Небесного возрастал в глазах людей; если Тот – тогда и теперь не страшно погибать, потому что всё, для чего жил, исполнено и совершено.

Но вдруг Он – не Тот?... Тогда потеряно всё. Погублена и юность, и могучая сила зрелости – всё погребено бессмысленно. И что ещё страшнее: вдруг Бог, призвавший его в пустыню, отведший его от людей, вдохновивший его к подвигу самоумирания – неужели этот Бог мог его обмануть? А жизнь прошла, и возврата нет?..

Но пославший учеников ко Христу с вопросом: Ты ли Тот? – Иоанн не получает прямого утешительного ответа. Христос не говорит ему: Да, Я Тот, иди с миром!.. – только приводит величайшему другу Своему слова пророка Исайи: Скажите ему, что слепые прозревают, и хромые ходят, что мёртвые воскресают, и нищие благовествуют. Лишь напоминание из Исайи, Своих слов Господь не прибавляет – ничего, кроме грозного предупреждения: Блажен тот, кто не соблазнится о Мне; пойдите, скажите Иоанну...

Этот ответ достиг Крестителя в предсмертном его ожидании: верь до конца; верь, не требуя ни знамений, ни свидетельств, ни доказательств; верь, потому что слышал в глубинах души твоей Глас Господень, повелевший творить дело пророка... Христос поддерживает Иоанна лишь повелением ему быть Предтечей – и для того проявить предельную веру, несомненную уверенность в том, что невидимо.

Дух захватывает, когда вспоминаешь этого святого пророка и думаешь о его подвиге, коему предела нет. И в праздник Усекновения главы Иоанна Крестителя, когда перед ужасом и величием этой судьбы опускаются руки, Церковь призывает нас молиться о тех, которые тоже в ужасе, в трепете и недоумении, а иногда и в отчаянии умирали: на поле битвы... в застенках... в полном одиночестве.

Приложившись ко кресту, молитесь о всех тех, кто на поле брани жизнь свою положил, чтобы другие были живы; о тех, кто приклонился к земле, чтобы воспрянул другой. Не только в наше время, а из тысячелетия в тысячелетие погибали страшной смертью люди – потому что они умели любить; или потому, что другие любить не умели. Вспомним всех погибших, ибо всех объёмлет Господня Любовь. И за всех предстоит, молясь, великий Иоанн, который прошёл до конца через трагедию жертвенного умирания без единого слова утешения, а только по властному повелению Божию: «Верь до конца, и будь верен до конца!» Аминь.

По слову Митрополита Антония Сурожского

АНГЕЛ ПУСТЫНИ

На самый пик лета, 7 июля (н.ст.) приходится празднование **Рождества Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня**. В самом начале осени, 11 сентября (29 августа ст.ст.) совершается в Православной Церкви ещё один великий праздник, связанный с мученической смертью этого великого святого в тридцать втором году по Рождестве Христовом. Полное название праздника: **«Усекновение честной главы честного славного пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна»**.

С богословской точки зрения этот день считается праздничным потому, что в него святой Иоанн был прославлен в Очах Божьих как Его угодник, как претерпевший смерть за свою преданность Богу и Божьему Закону; вместе с тем, и Бог был прославлен через духовный подвиг Крестителя. Имя этого пророка фигурирует в Евангелиях девяносто четыре раза, уступая по частоте появления в тексте лишь упоминаниям Иисуса Христа, которому Иоанн приходился троюродным братом.

Существует знаменательное и символическое иконное изображение Иоанна Крестителя – с ангельскими крыльями, в одеянии аскета-пустынника и со свитком в руках. Оно и восходит к евангельским свидетельствам о святом Иоанне как о вдохновленном пророке и Предтече Христа, предвозвестившем Пришествие на землю Спасителя проповедью о покаянии [Мф. 3, 1-12; Мк. 1, 1-8; Лк. 3, 2-18].

Подобно тому, как Архангел Гавриил в своё время явился Пречистой Деве Марии с благим известием о скором зачатии во чреве Её Сына Божия от Святого Духа, так Иоанн Креститель стал благовестником грядущего Пришествия в мир Христа и Царства Небесного не для Единой Девы, а для всего народа, всей земли, всей Церкви... Потому ангельские крыла Иоанна на иконе совсем не случайны – эта параллель подчёркивает значение фигуры Предтечи в истории человечества. Личность его завершает историю Ветхозаветной Церкви и открывает эпоху Нового Завета.

Новозаветное толкование относит к Иоанну Крестителю ветхозаветные пророчества: «глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте пути Ему» [Ис. 40, 3]; «вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною» [Мал. 3, 1; Мф. 11, 10; Мк. 1, 2; Лк. 7, 27]. Последнее пророчество, повидимому, и послужило основой для иконографического типа «Иоанн Предтеча Ангел пустыни», известного в византийском искусстве с конца XIII – первой половины XIV вв. В русском искусстве подобные изображения встречаются с XIV века (икона «Иоанн Предтеча Ангел Пустыни» конца XIV века из Коломны, хранящаяся в Государственной Третьяковской галерее) и получают широкое распространение в XVI-XVII веках.

На иконе из Троицкого Махрицкого монастыря Владимирской области крылатый Иоанн Креститель облачён во власяницу и плащ-гиматий, которые оставляют ноги святого пророка обнажёнными до колен. Правой рукой он благословляет, а в левой держит посох с крестом, развёрнутый свиток и чашу со своей усечённой главой. Усечённая глава Иоанна указывает на его мученическую смерть, которая воспринимается как прообраз искупительной жертвы Христа. Аналогичное значение имеет и посох с крестом в руках Предтечи. На свитке Иоанна Крестителя оставлена поздняя надпись XVIII века, составленная из фрагментов его евангельской проповеди: «Се, видех и свидетельствовах о мне

яко се есть Агнец Божий, вземляй грехи мира. Покайтесь, приближе бо ся Царство Небесное, уже секира лежит при корне древа, всяко убо древо пресекается» [Ин. 1, 29; Мф. 3, 2, 10]. Иллюстрацией последних слов служит дерево с вонзённой в него секирой, изображённое внизу справа.

Широкое распространение изображений Иоанна Крестителя в середине и второй половине XVI века объяснялось тем, что святой был небесным покровителем Ивана Грозного. Сам Махрицкий монастырь пользовался особым покровительством царя – это подтверждают монастырские описи, содержащие сведения о многочисленных царских вкладыях, делавшихся в 1560-1570-х годах. С одним из этих вкладов мог быть связан и заказ иконы Иоанна Крестителя.

Изображение Иоанна Крестителя в виде Ангела с крыльями символически связано с предречением через пророка Малахию Святого Духа: «Се аз посылаю Ангела моего пред лицом моим». Подобный символизм изображения граничит, практически, с иероглифическими знаками. К тому же, греческое слово «ангел» означает «посланик», каковым и явился Предтеча Господень.

Святитель Димитрий Ростовский своё «Сказание об усекновении главы святого пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна» завершает так: «Святой же Иоанн, как при жизни своей, так и после кончины был Предтечею Христу Господу. Ибо, предварив сошествие Господа во ад, он благовествовал находившимся в аду Бога, явившегося во плоти, и порадовал святых праотцев; с ними он был изведён из ада после разрушения его по Воскресении Христовом и сподобился многих венцов в Царствии Небесном: как девственник, как пустынножитель, как учитель и проповедник покаяния, как пророк, как Предтеча и Креститель и как мученик. По молитвам его да наставит и нас на путь истинного покаяния и да сподобит нас Царствия Небесного Христос, милосердый Господь и Бог наш, Коему воссылается слава со Отцом и Святым Духом вечно. Аминь».

ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ДУШУ ДЛЯ ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ

На пути ко спасению в продолжение всей земной жизни христианин переносит множество испытаний, искушений – и связанные с ними скорби, плач и лишения. Эти обстоятельства и составляют крест, который каждый верующий человек должен нести до конца жизни. В Священном Писании имеются ясные указания о необходимости несения этого креста для ищущих спасения. Сам Господь говорит: *«Иже хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет»* [Мк. 8, 34]. В прощальной беседе Христос говорил Своим ученикам: *«В мире скорбни будете, но мужайтесь, яко Аз победих мир»* [Ин. 16, 33]. Подобным образом учили и апостолы, говоря, что *«многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие»* [Деян. 14, 22].

Святитель Тихон Задонский в своих творениях показывает, как именно скорби и испытания очищают душу от грехов, возводят её от земли на Небо, соединяют с Богом и ведут к совершенству. Говоря о значении добродетели терпения в несении жизненного креста, он замечает, что скорби и искушения являются неизбежным явлением в жизни каждого человека. Материальные недостатки и нужда, тяжёлые болезни, смерть близких и дороги лиц, незаслуженные обиды и притеснения, неудачи по службе, внезапные бедствия и всякого рода несчастья – всё это приходится испытывать человеку здесь, на земле. Даже когда он свободен от внешних бед, его беспокоят уныние, недовольство, раздражительность, страх, то есть внутренние скорби пораженной грехом человеческой души. Этих бед никто из людей избежать не может. Сама природа никогда не бывает постоянной: то пасмурно, то ясно, то бурно, то тихо; «так и в нас без перемен не бывает», пишет святитель.

Тем более неизбежны скорби в жизни христианина. Кроме различных жизненных невзгод и неприятностей, кроме немощей, связанных с греховной природой, верующий во Христа встречает сильное противодействие со стороны врага рода человеческого – дьявола. Если Христа Сына Божия «злостроительный дух» дерзнул искушать, – размышляет святой отец, – то оставит ли верных Его последователей? Сатана не спит, но всегда бодрствует, ища погибели человека. Его искушения настолько разнообразны, притворны и запутаны, что даже опытные подвижники с трудом распознают козни духа злобы, так как он пользуется всеми удобными для

него моментами: слабостями человека, духом времени, обстоятельствами места, чтобы только возбудить в человеке не угодные Богу мысли и желания. Где бы ни жил христианин, он не может избежать вражеских искушений; «то чрез злые помыслы, то чрез злых людей, своих служителей (враг) искушает, беспокоит, озлобляет... И то бывает, что которые были прежде друзья наши, сделаются нам дальними, нашими врагами; и самые кровные и единокровные наши, как-то: отец, мать, братья, сестры и прочие сродники, ежели по миру живут, будут гнать нас». Если же дьяволу не удаётся искушить христианина через помыслы или злых людей, он отступает на время и оставляет человека в покое, чтобы затем снова напасть неожиданно. Так противник человеческого спасения всякого приступающего ко Христу отвлекает от истинного пути, «запинает ему... и различные простирает сети».

И всё-таки, замечает святитель Тихон, все искушения или скорби в жизни христианина, исходящие от дьявола, от плоти или от прелестей греховного мира, не бывают неожиданными и случайными, но происходят по воле или попущению Божию. Как врач даёт горькие лекарства или отрезает некоторые члены тела, чтобы сохранить в здравии весь организм, так и Господь, Премудрый Врач душ наших, попускает скорбные для нас обстоятельства, чтобы сохранить душу для жизни вечной.

И как не обижаются на врача, причиняющего нам страдания, так надобно относиться и ко всему, что попускает промышляющий о нас милостивый и человеколюбивый Господь. Ведь Бог не допускает душе, уповающей на Него, быть искушаемой без меры, сверх её сил, не даёт ей впасть в такие искушения и скорби, которых она не могла бы перенести [1 Кор. 10, 13]. Как, проверяя хрустальный сосуд, мастер ударяет его легко, чтобы не разбить, а в серебряный или медный бьёт сильнее, так и Господь немощным попускает лёгкое искушение, а духовно крепким и мужественным – более тяжёлое. Притом любое искушение попускается промыслительным действием Божиим для спасения человека и служит доброй цели – «на посрамление дьявола и на венчание и прославление человека».

По тексту схииерхимандрита Иоанна (Маслова) «Святитель Тихон Задонский и его учение о Спасении»

Игорь Крайнов. Оплакивание. (2008 г.)

ВРЕМЯ ТИШИНЫ

Светлой памяти митрополита Калининского и Кашинского Алексия (Коноплева)

Я быстро взбежал по лестнице, вызвал лифт и оказался на четвёртом этаже. Как только двери лифта открылись, я увидел ожидавшего меня Лёшку. Мы обменялись приветствиями, и он немного угрюмо сказал:

– Слушай, извини, давай спустимся вниз и деда моего поднимем. Его минуту назад привезли, с балкона видел. – Давай!

Мы спустились бегом вниз по лестнице, уже у машины я поздоровался с Лёшкиной мамой и вместе с санитарями мы взяли Лёшкиного деда, сидящего в кресле-каталке. Харлампович крепко спал. Аккуратно мы подняли его к лифту и потом на этаже внесли в квартиру.

Нам хотелось как можно скорее избавиться от неожиданных хлопот. На футбольном поле в Нескучном саду уже почти не осталось снега, и жажда первого удара по мячу, предвкушение игрового азарта, забитых голов и упущенных голевых моментов нас будоражили.

– Мам, ну, мы пошли, – крикнул Лёша, позабыв о спящем родственнике.

– Лена, Леночка, где я? – вдруг раздался голос из дальней комнаты. Тётя Лена торопливо прошла мимо нас в комнату.

– На Воробьёвы съезди. Скорее, милая моя, скорее, – послышался голос старика.

Мы стояли у квартирной двери, и я начал открывать замок, как вдруг тётя Лена вышла и, махнув рукой, позвала нас обратно.

– Ты что, мам? – спросил Лёшка.

Тётя Лена повторила жестом, что нам надо вернуться. Мы стояли напротив неё в ожидании.

– Ты остаёшься дома, посидите с дедушкой.

– Ну мам! Ты что? Нас ребята ждут! – расстроено воспротивился Лёшка.

– Я сказала, что ненадолго! – резко бросила тётя Лена и торопливо скрылась за дверью.

Мы вошли в комнату, где лежал Харлампович. Свет в помещение проникал через занавески, и в этом полумраке совсем исчезало ощущение весны, и только последняя капель напоминала о ней. Мы были расстроены. Бросить товарища я не мог, и мы смотрели друг на друга, не желая разговаривать.

– Воды, воды дайте, – попросил Харлампович. Мы словно по команде вышли из комнаты и принесли с кухни воды. – Пить как хочется, – сказал Харлампович. – Господи Боже мой, как тогда... – И он замолчал. – Как тогда, – повторил он спустя несколько минут.

– Как тогда... – шёпотом спародировал деда Лёшка. Я заулыбался.

– Как тогда... – опять прохрипел Лёшкин дед.

– Как когда, дедушка? – спросил с хулиганской усмешкой Лёшка.

– Когда ранило меня под Ленинградом, мы там немцев крепко зажали, ещё бы немного – и сварили бы их в котле под Демянском. Думал, умру, когда меня ранило. Они в прорыв пошли, к ним силы новые прибыли по воздуху, вот они и вырвались, а я уже в начале мая в госпитале валялся.

Харлампович замолчал и сделал глоток. Он пил жадно, но по чуть-чуть.

– Парень со мной лежал. Внимательный такой. Витей звали, воронежский был, точнее павловский, город такой есть – Павловск. Он тогда на поправку пошёл, а ко мне всё своё внимание направил. Вот как вы сейчас и поддерживал меня, и воды приносил быстрее, чем медсёстры, и ночами вставал. И дар у него, конечно, был. Святой парень.

– Какой дар? – спросил Лёшка.

– Молился он Богу как-то особенно, – ответил Харлампович

Геннадий Добров. Ранен при защите СССР. (1974 г.)

Иванович. Мы переглянулись и замолчали. Ощущение, что Лёшкин дед переležал в больнице или не отошёл после операции, нас объединило. Мы томились в ожидании мамы, но Харлампович хотел поговорить.

– Он мне рассказал перед выпиской, что до войны псаломщиком служил, за что и получил трёхлетнюю Свирских лагерей, так-то. Витя, он внимательный был и обходительный, пока я стонал и тяжело мне было, он молился за меня, а порой о городе своём рассказывал. Словно водил меня по нему, да так, что я до сих пор думаю, что вместе с ним по городу святого апостола Павла гулял и особняки, и Женскую гимназию, и Реальное училище, и Духовное, и пожарную каланчу, и берег Дона, и собор Преображенский, и храмы – я как будто сам видел. Но главное, что жизнью я ему, его мольбам и заботам обязан. Так я и на поправку пошёл, и на фронт вернулся.

– Разве на фронт таким можно было идти? – не удержавшись, спросил я.

– Каким «таким»? Человек, как и все. Гражданин, хоть и прав был лишён гражданских за то, что служил при церкви. Голодал, в обносках ходил, а не изменил себе.

Харлампович жестом попросил подать ему кружку. Он делал маленькие глотки, а я думал, что первый футбольный матч этого сезона уже не состоится, и было неудобно перед ожидавшими нас ребятами.

– Но война всё изменила? – из вежливости спросил я.

Продолжение на стр. 6-7

– Война не меняет, а основу выявляет в человеке в зависимости от его уклада. Она и есть чистилище. Настоящий человек себя проявит, как положено, а дрянной... – И в этот момент Харлампий Иванович слегка махнул рукой.

– А он выжил? – спросил деда Лёшка.

– Выжил. И у нас на Воробьёвых горах служил в Троицкой церкви. Я там с ним случайно встретился лет через десять после победы. Он меня первым заметил, а бы его ни за что не признал. Ведь Витя священником стал. Да и постарше он меня лет на десять, а может, и побольше, но это неважно. Отец Виктор меня впервые и исповедовал.

– Дед, ты же честно жил, воевал, страну восстанавливал после войны. Тебе зачем что рассказывать чужому человеку? – удивлённо спросил Лёшка.

– Охо-хо-хо-хо, дорогой ты мой... Случай мне один не давал покоя, а вот отцу Виктору поведал – и отпустило меня, хотя ночь одну буду помнить до конца жизни, а он – ой как близок!..

Мы ожидали рассказа о войне. Настоящего, героического. Казалось, что сама весна выдаёт нам компенсацию за несыгранный первый матч. Я смотрел то на Лёшу, то на Харлампия Ивановича с нескрываемым интересом. Фронтовики не любили говорить о войне, и редчайшие мгновения откровений порой были притягательнее и памятнее фильмов, которые мы смотрели не отрываясь, ради которых прогуливали уроки. С рождения мы становились старше с именами Владимира Богомолова, Юрия Бондарева, Василия Быкова, Константина Воробьёва, Константина Симонова... Но главное, что я замечал на протяжении своих школьных лет, это то, что ветераны войны становились заметны в жизни страны только в великий День Победы 9 мая. Этот оставленный в прошлом, но незабываемый фронтовой героизм сменила их трудовая и бытовая скромность. Для меня олицетворением этих качеств был актёр, фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны Виктор Папанов, герои картин с его участием «Белорусский вокзал» и «Время желаний» были именно такие.

Прошло несколько минут, но Харлампий Иванович не спешил с рассказом. Он медленно потягивал воду из кружки. Делал паузу между глотками. Я подумал, что фронтовик набирается сил перед рассказом.

– Войну с немцами я закончил в Германии под Кёнигсбергом, а потом была Япония. Воевать с самураями недолго пришлось, почти месяц, и никакой великой армии Страны восходящего солнца не стало. После Маньчжурской операции от хваленной Квантунской армии ничего не осталось. Япония капитулировала, а вот на территории Маньчжурии остались во-

енные объекты, один из которых мы взяли под контроль. Мне после Хиросимы и Нагасаки даже жалко было японцев. Они, в сущности, неплохой народ, хотя нам тогда было понятно, что этот ядерный удар был не для японцев, а для нас, для СССР: американцы нас так в августе 1945-го предупредили, так сказать. Запугать хотели, нас, победителей!.. Я после войны читал мемуары Георгия Константиновича и на всю жизнь запомнил и вам советую детям и внукам своим передать, что в мае 1945-го в Берлине Жуков сказал: «Мы их освободили, и они нам этого никогда не просят». Запомните, все беды в мире с Европы начинались и Европой закончатся. В мире тишины было всего 26 дней за весь двадцатый век, всего 26 после окончания войны, а нам, русским, никто покоя не давал, никакой тишины: всё время борьба, борьба за выживание страны и народа. Это наш земной крест...

Харлампий Иванович откинулся на подушку и замолчал.

– Дедуль, может воды ещё принести? – спросил Лёшка.

– Принеси, – ответил Харлампий Иванович и движением руки подозвал меня. – Подними меня. И подушку, подушку повыше сделай, – попросил он.

С кухни вернулся Лёшка и поднёс кружку с водой деду. Пил он опять нерасторопно.

– Так, вот природа там в Маньчжурии особенная, редкой красоты. Страна-то горная, чистейших рек много вокруг. Кедровые, раскидистые ели, большие дубовые леса и смешанные, тоже небольшие, а в них лиственница, клён, ольха, сирень. Осень была такая красивая. Скалы кругом, развалы горные, луговые долины и воздух сыроватый. Мне тогда показалось, что я от войны теперь смогу навсегда избавиться и ничего никогда не вспоминать.

Вот в этот день мы и оказались на складе Квантунской армии. Чего там только не было: оружие, боеприпасы, провиант, обмундирование. Я уже старшим сержантом был, и в первое ночное охранение выставили только опытных солдат. Ещё особист приезжал нас выбирать и инструктировать насчёт провокаций.

Стемнело быстро. И уже от спокойного времени без фронтового грохота начало клонить в сон, и не только меня. Вдруг слышу – шум под забором. Роет кто-то. Посветил фонариком, и ко мне ребята устремились. Ждём. Вот и руки показались, и

Игорь Крацев. Взвод. (2010 г.)

голова, а дальше мы помогли гостю выбраться. Всё как положено: отвели к дежурному офицеру и вернулись. Прошло полчаса, и вновь в этот подкоп ещё один, а за ним и второй, и мы уже стали не успевать их задерживать. И так по всему периметру ограждения – один подкоп за другим...

Харлампий Иванович замолчал. Он смотрел куда-то вдаль и, казалось, не замечал нас. Где он был? Мысленно оказался в той маньчжурской ночи? или думал о фронтовом товарище? – было не понять.

– Потом нам отдали приказ. Мы больше никого не задерживали. Стреляли сразу, как только видели пытающихся проникнуть на охраняемую территорию людей. Как правило, достаточно было одного выстрела в голову – приказ есть приказ. Случаи паники, трусости, неорганизованности и дезертирства и другие так называемые позорные явления военным трибуналом карались сурово: осуждали и приговаривали к высшей мере, к лишению свободы на разные сроки... Только остановить этих азиатов казалось невозможно. Они настырные, упёртые – казалось, нет у них чувства страха. Раненых и убитых из подкопов вытаскивали, а другие заново лезли, словно по команде, с разных сторон. Сплочённые народец!.. Только с рассветом они уступили и отошли. Нас же немного на объекте было. Утром приехало начальство, особысты, два генерала. Обсудили всё произошедшее и всех нас отправили на демобилизацию. Но в памяти как-то это осталось, и на душе было нехорошо: они ведь были безоружные, а я стрелял и стрелял. Вот об этом и многом другом я отцу Виктору и рассказал. Мы хоть до войны в Бога и не верили, но крещёных много было, а как по-другому? Наша основа.

Мы молчали. Это было не разочарование рассказом, а одно из первых столкновений с правдой, о которой мы ничего не подозревали.

Харлампий Иванович попросил помочь ему прилечь, поправить подушку и положить её горизонтально. Мы смотрели на него, но он словно не видел нас. Лёшкин дедушка то закрывал, то открывал глаза и смотрел ввысь. Он почти не моргал, и только ресницы слегка подёргивались, и крохотные слёзы катились из его глаз.

– Витя, друг мой госпитальный, что священником стал – он, как и я, всю войну прошёл. Как в запас увольнялся, от спасите-

ля Ленинграда маршала Говорова грамоту получил. Чтобы знали вы, Говоров, Царствие ему Небесное и пресветлый Рай, с офицерами своими во время блокады на службы в Николо-Богоявленский собор приезжал. Такой вот маршал был, да и если не все, то многие в Бога верили: и Толбухин, и даже сам Жуков!

Мы переглядывались с Лёшей и недоумевали: «Разве советские маршалы, герои войны могли верить в Бога?» Этот вопрос остался для нас открытым.

– Я с Витей как-то потерялся, только во второй половине пятидесятых случайно узнал, что он духовную академию закончил, кандидатом богословия стал, а потом и монашество принял. Стали его называть Алексием. Я и тебя просил в честь товарища моего фронтового назвать, внучок. Его уже, наверное, и в живых нет, скоро встретимся с владыкой Алексием, как тогда под Ленинградом, и молодыми будем, как тогда, и земле нашей ещё с того света послужим. Так что у тебя с владыкой один небесный покровитель. И сам владыка Алексей за тебя Господа молит. Владыка, брат мой фронтовой, всю жизнь в сражениях земных и небесных, а победа наша над апостолами злобы – неминуема. Как нарком Молотов сказал в первый день войны: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Лёшка немного напугано смотрел на меня, и мы боялись даже пошевелиться.

– Знаете, как надо любить свою Родину? Как за неё стоять и мстить? – вдруг спросил нас Харлампий Иванович. Мы ничего не могли ответить старому воину, мы даже не смотрели друг на друга, наши взгляды были устремлены на Харлампия Ивановича, а он вдруг начал читать вслух стихотворение:

*Я проходил, скрипя зубами, мимо
сожжённых сел, казнённых городов
по горестной, по русской, по родимой,
завещанной от дедов и отцов...
Крови своей, своим святыням верный,
слова старинные я повторял, скорбя:
– Россия, мати! Свете мой безмерный,
которой мстью мстить мне за тебя?*

Харлампий Иванович читал негромко, казалось, преодолевая боль, но в этом его тихом и суровом чтении было выражено всё, что он хотел донести до нас.

– Это Сергей Наровчатов в 1941 году написал. Поэт, фронтовик, всю войну прошёл... Запомните эти строки, я эти дни в первое военное лето на всю жизнь запомнил.

Наступило время тишины. Не было слышно ни единого звука, и больше уже ничто не напоминало о весне...

В этот момент мы услышали из прихожей голос мамы Лёши, и через мгновение в комнату вместе с ней вошёл священник.

Игорь Крацев. Последний салют. (2010 г.)

Александр Орлов

НАШ БУДУЩИЙ ДОМ ДА НЕ БУДЕТ СОДОМ

Идёт война... Парады содомитов – это только локальные стычки, разведка с боем, эпизоды в крупномасштабном наступлении демонических сил – как бесплотных, так и во плоти – на Веру и нравственность, на то, что делает человека образом и подобием Божиим.

Есть особый вид психического заболевания – маниакальное стремление к грязи, когда сумасшедший пожирает собственные фекалии. В таком состоянии окончил свою жизнь французский писатель Мопассан – циник и похабник в литературе. Теперь пожирание нечистот, духовных и материальных, хотят представить нормой человеческого поведения, правом, охраняемым законом и полицейскими дубинками.

К чему стремится разнузданная пропаганда разврата современными «цивилизаторами»? К уничтожению или извращению Христианской веры, и прежде всего – Православия. Но соединение Содомы с Иерусалимом невозможно. В древности пал Содом, теперь готовится штурм духовного Иерусалима – человечности в человеке. В древние времена содомитов не только отлучали от Причастия, но и после их покаяния в течение продолжительного времени не допускали в храм: они могли молиться, стоя у дверей, как у закрытых врат Небесного Царства.

Чтобы оправдать культ грязи и безобразия, надо или представить христианство фанатичной сектой, как это в своё время пытались сделать распутные императоры Рима, или же подменить его неким религиозным суррогатом, уничтожив его нравственную и духовную основу и заменив его театральным представлением, а Ризы Христа – нарядом паяца. Если мир будет развращён, то возведение храмов уже не будет страшно для тёмных сил: храмы будут стоять как надгробные памятники прошлой, уже потерянной духовности.

Разврат – орудие борьбы с Церковью. Душа, поражённая развратом, становится слепой и глухой к духовным импульсам. Как слепец, стоящий под лучами солнца, не видит света, так

нераскаянный грешник, пребывая в храме, не ощущает главного – Благодати. Он любит тьму, в которой прячется от света собственной совести. Духовная тьма – это не только отсутствие света, это агрессивная стихия, захватывающая человека, это метафизический мрак преисподней.

Разврат отчуждает людей и уничтожает семью, которая основана на уважении и любви друг к другу: грязь не может соединять. Душа человека, как бы он низко ни пал, ощущает зловоние греха – зловоние от собственного тела, зловоние от своего «партнёра». Семья заменяется «свободным сексом», вроде собачьих случек. Впрочем, собаки не занимаются развратом – их природное естество направлено к появлению потомства. Разврат же препятствует деторождению и ведёт к физическому вырождению – и нации, и человечества. Жизнь человека отражается и кодируется в его генах, поэтому потомки развратников душевно ущербны и подвержены физической деградации. Разврат стирает различие между полами: мужчина перестаёт быть мужчиной с нормальным психическим комплексом мужчины, а женщина перестаёт быть женщиной.

В средневековой книге «Молот ведьм», написанной инквизиторами, скрупулёзно рассматриваются ритуалы тайных сект и описывается сексуальное общение демона с людьми, при котором демон меняет свой вид, представляясь то женщиной, то мужчиной. Транссексуал становится подобным демону. Здесь мужское мужество и женская красота повержены в прах, в нечистоты. У древних философов главным в человеке считался разум, у христиан – сердце, а у современных гедонистов – гениталии. Транссексуализм в поисках новых ощущений допускает сексуальное общение человека и с животными, не видя различия между ними и человеком. Теперь, когда развратники объявили свободу сексуальных сношений с животными, можно предположить, что если этот шабаш не будет прекращён, то скоро встанет вопрос о регистрации «браков» между людьми и зверьми...

Чрезвычайно опасен гомосексуализм – это надругательство над человеческим телом и его семенем. Это бунт против Воли и Промысла Божьего, выбор вечной смерти; это тайный союз, который душа подписала с сатаной. Гомосексуалистами не рождаются – ими становятся, этот грех противоестественен и чужд человеческой природе. Поэтому парады содомитов – вовсе не декларация человеческих прав и свободы, а пропаганда разврата и насилия над нравственностью и совестью народа.

*Года проходят в суете и скверне.
Но посмотри на небо в час заката:
всё так же тих и светел мир вечерний,
и чист, и целомудрен, как когда-то.*

*Как будто не его травили дымом,
в природе неделимое разрушив.
О, в естестве своём непостижимом
зачем царишь, зачем тревожишь душу?*

*Ужель ещё не поздно ей терзаться
в лучах неопороченного света,
что и она могла б такой остаться,
когда бы знала, что возможно это!*

Светлана Сырнева

В Ветхом Завете высоко ценилось деторождение, а бесплодие считалось несчастьем для семьи, потому что деторождение было связано с ожиданием Мессии, и обряд обрезания означал посвящение своих потомков Богу. А клятва потомками издревле считалась одной из самых страшных и неразрушимых клятв. Человеческое семя – это концентрат жизни, тайна, которую не раскроет до конца ни одна наука. Тёмная сила мстит людям за Пришествие на землю вочеловечившегося Христа, и демон требует у своих адептов отдачи человеческого семени в его власть. На шабашах ведьм разврат был обязательным ритуальным действием, там человеческие зародыши приносились в жертву дьяволу – из них приготавливали яства для колдунов и ведьм. В сатанинских сектах существует обряд отдачи своего будущего ребёнка сатане. Поэтому в метафизическом плане разврат – это ритуальное осквернение семени и демонизация человека.

Нередко, желая оправдать разврат, говорят, что гомосексуализм связан с гормональным расстройством, и потому на содомита надо смотреть как на больного. Но это не так: в большинстве случаев не гормоны действуют на психику, а психическое состояние – на выделение гормонов. Так, при опасности или гневе в крови изменяется гормональная картина, но этим не оправдывается насилие или убийство.

Говорят, «глаза – окна души». Во взгляде развратника вы увидите грязь, скрытую в глубине – отражение мерзости, которая собралась в его душе. Красота имеет мистический смысл, потому она спасает мир. Красота – один из аспектов Божества, а безобразие – свойство демона. И, всё-таки, содомиты – это не злые духи, а люди – генетически наши собратья. Потому с отвращением к их греху соединяется сожаление о том, что они сами лишили себя духовной радости и красоты. За души этих несчастных людей, похожих на самоубийц, обуянных демоническими силами, надо бороться.

Что для этого делать? Христианин должен своей жизнью показать пример чистоты и целомудрия. Следует противостоять греху, начиная с собственного сердца – и так стяжать благодать, которая всё более покидает человеческое сообщество. Здесь воздействовать будет и наглядный пример, и невидимая сила благодати, ведь и среди современных содомлян многие чувствуют свою духовную катастрофу, томятся своим состоянием, но подчиняются греху, как некоторые существа – взгляду змеи. Нераскаянный грех нередко превращается в отчаяние; человек перестаёт верить, что для него возможно спасение, что он может перемениться – и с ещё большей ожесточённостью бросается в пучину греха. Укоры и брань в большинстве случаев только ожесточат грешника – только доброе и твёрдое одновременно слово сможет со временем пробудить его сердце.

Христианин должен стараться, чтобы сердце его было той точкой, где Небо соединяется с землёй, и бороться с развратом всеми средствами и во всех доступных ему формах. Надо

Полина Лучанова. На море. (2014 г.)

противостоять массовому развращению людей, в том числе парадам содомлян, которые своими шествиями в христианских странах оскверняют землю, окропленную мученической кровью. Религиозный и гражданский долг христиан – защищать свою семью и народ от нравственного растрепания. От духовной заразы содомитов надо особенно охранять детей, ведь развращение может начаться с детских лет. Надо разоблачать демоническую сущность разврата, содомских грехов и быть проповедником христианства. И если слова будут подтверждены примером жизни, то они, имея духовную силу, смогут напоить иссохшую землю другой души.

Грех – не только личное дело человека, как хотят это внушить нам. Он распространяется невидимым образом, окружая самого грешника словно чёрным ореолом и отягощая душевное состояние людей, контактирующих с ним. Общась с человеком, мы входим в невидимое поле его духовных энергий. Поэтому общение с одними людьми придаёт силы, словно обновляет душу и тело, а встреча с другими – угнетает и опустошает. Ведь даже растения реагируют на переживания человека, а звуки тяжёлой рок-музыки пагубно воздействуют на живые существа, как будто источая смертоносную радиацию. И, наоборот, плоды, выросшие около храмов и монастырей, приобретают особый вкус, а вода в источниках на святых местах – цельбоносна. Поступки человека и состояние его души впечатлеваются и на окружающей среде. Недаром замечено, что некоторые дома умиротворяюще действуют на душу, в них человеку становится так хорошо, что не хочется уходить оттуда. А в иных помещениях пришедшего охватывает неясная тревога и желание поскорее покинуть это место, как будто там обитают призраки или оно запечатлено проклятием. Поэтому парады содомитов, похожие на победоносные шествия, с мистической стороны можно рассматривать как ритуальное осквернение улиц и городов.

Надо помнить, что кроме материального плана жизни есть ещё и духовный, метафизический план. Там суммируется происходящее в мире добро и зло, а затем возвращается назад, воплощаясь в события земной истории, похожие то на благословение, то на проклятие. Нам всем необходимо молиться, особенно Иисусовой молитвой, которая создаёт невидимую духовную атмосферу, открытую для действия благодати. Апокалипсис должен исполниться; историю не отменить, но зло можно приостановить, отсрочив последние времена. Усилиями и верой даже одного христианина-подвижника ослабевает демоническая сила и просветляется метафизический мрак, окутывающий земной мир.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

СОПРИЧАСТНОСТЬ ВЕЛИКОЙ ЭПОХЕ

7 августа 1720 года у острова Гренгам русская флотилия разгромила эскадру шведских кораблей, тем самым положив конец Северной войне, и вскоре на выгодных для России условиях был подписан Нейштадтский мирный договор.

Кроме того, Гренгамская победа сильно ударила по престижу Великой Британии, ведь англичане пообещали шведам военную помощь, и корабли островитян тогда вошли в Балтику, начав совместные действия с флотом Швеции. Зная коварство бриттов, русские усилили береговую оборону Финского залива, наш десант в несколько тысяч человек высадился на «свейском» берегу, проник вглубь территории, не трогая местное население, сжёг два города и более сорока деревень. Швецию обуял ужас...

Уничтожить русский десант поспешила эскадра вице-адмирала Шёблада. В её составе насчитывалось шестнадцать судов разного класса. Адмирал надеялся на помощь английских моряков, но те не спешили, и Шёблад, напрасно прождав союзников, двинулся к Гренгаму один. Он опоздал – к тому времени наш десант уже благополучно вернулся к родным берегам. Русская флотилия под командованием князя Голицына обнаружила шведов у острова Фрисберг. На офицерском совете решили отойти к скрытой удобной стоянке, дабы, «когда погода будет тихая, а оные суда далече не отступят, абординовать их».

Утром 7 августа русские двинулись к Гренгаму. Как только галеры показались из укрытия, Шёблад, уверенный в победе, бросился в погоню. Голицын отступил в узкое горло между островами Гренгам и Флисе. Шведы не заметили, как их корабли втянулись в испещрённый мелями и рифами пролив. Оказавшись в родной стихии, русские галеры под призывы своих командиров: «Ребята, за мною!..» дружно пошли в атаку. Шведские фрегаты «Венкер» и «Сторфеникс» выскочили на мель, и наши пошли на абордаж. Скандинавы бились хладнокровно, их канониры – бойцы закалённые – сумели вывести из строя сорок три русских галеры. Но ничто не могло противостоять русскому натиску! Высокие борта и абордажные сети не спасли шведов, оба корабля сдались. Ещё два фрегата попытались выйти на глубокую воду, но тоже были взяты на абордаж. От яростной атаки русских Шёблад ушёл в открытое море. В погоню за шведским флагманом Голицын направил более десятка галер. Из-за непогоды Шёблада не догнали, хотя выстрелы русских пушек повредили вражескую корму, матросы даже видели доски, оторванные в результате попадания ядер.

Бой длился четыре часа и завершился нашей полной победой. Впечатляли захваченные трофеи: более ста пушек, большое

количество ядер, пороха и амуниции. Шведы потеряли сотню человек убитыми и свыше четырёх сотен пленными, сорок матросов оказались опалены раскалёнными пушечными газами – стреляли-то почти в упор...

Санкт-Петербург праздновал три дня. Князя Голицына наградили усыпанной бриллиантами шпагой с надписью: «За добрую команду», офицеров – золотыми медалями с цепями, а нижних чинов – серебряными, с выбитой надписью: «Прилежание и храбрость превосходят силу». Победа при Гренгаме окончательно сломила морское могущество Швеции, показала превосходство русского военно-морского искусства и отрезвила Туманный Альбион. Царь Пётр принял новый титул, и Россия стала Империей...

Далёк наш Чернозёмный край от грозных и героических событий Северной войны, но – только географически, а с именем и инициативами Петра связан тесно. Когда в августе месяце крестоходцы из Воронежа шествуют в город Задонск, то обязательно проходят через село Конь-Колодезь. Прямо у дороги там стоит верстовой столб – копия знаменитой адмиралтейской «иглы». Специалисты насчитали на «каменной версте» более двухсот архитектурных «морских» деталей. Откуда в степном селе зримо отразилось время былых сражений Северной войны? Да и название – Конь-Колодезь – говорящее. По поводу происхождения его рассказывают разное. Согласно одному преданию, конь Петра Великого топнул ногой – и из-под его копыта забил источник. В ином варианте Пётр I, не слезая с коня, попросил воды, и она ему пришлась по вкусу. Подобных сюжетов в нашем крае немало. В Семилукском районе есть село Новосильское, иное его название – Поганец. Легенда та же, что и в случае с Конь-Колодезем, только тут вода Петру не понравилась... На юге Воронежской области есть город Богучар. Название произошло от того, что царь Пётр, пируя в тех краях на берегу реки, вылил в воду чашу с вином, воскликнув при этом: «Богу – чару!..».

Всё это красиво, однако и Конь-Колодезь, и Поганец, и Богучар известны были под своими названиями ещё лет за шестьдесят до рождения Петра Алексеевича, и напрямую не могут быть с ним связаны. Однако все три сюжета – «водной» тематики, и говорят они о том, что эпоха петровского кораблестроения в нашем крае накрепко впечаталась в народную память и породила мифы, где царю Петру приписывались деяния, которых он не совершал. Яркий показатель сопричастности к великой эпохе, история с Конь-Колодезем – тем более.

А вообще Конь-Колодезь – самое «морское» село Черноземья, ведь изначально им владел первый российский вице-адмирал

Гренгамское сражение. Старинная гравюра.

Верстовой столб Конь-Колодезь.

Наум Акимович Сенявин. Он являлся одним из «птенцов гнезда Петрова», прошёл славный боевой путь и показал себя храбрым моряком. Матросом на корабле «Отворённые врата» участвовал в Керченском походе, отважно сражался в годы Северной войны, был тяжело ранен в бою русских лодок против шведских ботов, с бригантины бил шведов огнём из пушек, получал встречные пробоины, сходил на берег и побеждал неприятеля... Отличился Наум Акимович и в кровопролитном сражении у Сойкиной мызы, где, раненый в ногу, добивал шведский арьергард. В самой первой морской победе нашей эскадры над шведами – в Эзельском сражении – именно Сенявин заставил сдать вражеские суда. Наум Акимович неоднократно сопровождал Петра I в поездках под Азов, Воронеж и Полтаву, в Петербург и Варшаву, в Карлсбад и Кёнигсберг. Был шафером на свадьбе царя. По царскому поручению Сенявин ездил в Англию и Голландию для закупки шлюпок и вербовки водолазов – матросов, «которые в воду ходят под колоколом». При возвращении на родину его корабль затёрло льдами.

Науму Сенявину дорого было имя «русский». Однажды, выйдя из Копенгагена на корабле «Девоншир», он встретил голландское судно. Их капитан хотел подвергнуть осмотру и арестовать наш корабль, но русский офицер Сенявин не позволил этого, в резких выражениях поставив голландца на

место. В другой раз капитан гамбургского конвойного военного корабля отказался салютовать русскому военному судну, заявив, что «не знает русского флага». Недолго думая, Сенявин дал тройной залп из пушек по вымпелу «немца».

В 1721 году Пётр I назначает Сенявина членом Адмиралтейской коллегии. Царь очень радовался, что мог по заслугам ввести русского человека в круг иностранцев, занимавших высшие чины в Русском флоте.

После смерти Петра I славный моряк остался в чести. Его отправляли депутатом в Москву и в Тавров на заводы «для наилучшего исследования дел», императрица Екатерина I пожаловала Сенявину орден «Святого Александра Невского», он командовал всем галерным флотом с производением в вице-адмиралы синего флага. Как член Воинской Морской комиссии Сенявин являлся одним из инициаторов строительства военно-морской верфи в Архангельске, ставшей главной базой Балтийского флота XVIII столетия. Когда Россия в 1737 году после взятия Очакова получила выход к Чёрному морю, Сенявина назначили начальником Днепровской флотилии. В мае следующего года заслуженный флотоводец скончался в Очакове во время эпидемии чумы.

Наум Акимович, часто сопровождая Петра I в Азов, проезжал и Конь-Колодезь. Во время очередной поездки переправа через бурный ручей оказалась очень сложной, и царь поручил Сенявину поддерживать дорогу в «лучшем виде», а после Эзельского сражения произвёл верного капитана в вице-адмиралы, подарив новое имение – Конь-Колодезь. Проект усадьбы Сенявин заказал в Санкт-Петербургской мастерской знаменитого архитектора Ивана Коробова, которому помогали известные зодчие Пьетро Трезини и Михаил Земцов. Коробов обучался в Голландии, поэтому двухэтажный дом в Конь-Колодезе выполнен в характерном для той эпохи готическом стиле с элементами декора «петровского барокко» бело-голубого цвета. Круглые окна напоминали иллюминаторы, а крыша – палубу.

После смерти Наума Сенявина имение перешло к его сыну Алексею. Он прошёл путь от мичмана до адмирала и командовал всем Балтийским флотом. В начале XIX века родовая усадьба уже принадлежала генерал-майору Григорию Сенявину, а после него – Ивану и Льву Сенявиным. Начав служить в Петербурге юнкерами, они тоже достигли высших воинских чинов.

Сразу за домом раскинулся ровесник усадьбы – парк английского образца. Заросший, сейчас он больше напоминает лес. Прямо к Дону ведёт липовая аллея, пересекающаяся с аллеей веймутовых сосен. Саженцы этих сосен Сенявин когда-то лично привёз из Ясной Поляны Тульской губернии.

На территории усадьбы стояла Церковь Иоанна Богослова XVIII века. Незадолго до Великой Отечественной храм закрыли, в здании устроили зернохранилище, а позже из церковных кирпичей построили школу. В 1909-1918 годах в главном доме располагалось епархиальное училище, затем аграрный техникум. В начале XXI века техникум переехал в новое помещение, имение же передали Липецкой епархии. Тогда и появилась на втором этаже отреставрированного дома в Конь-Колодезе нынешняя Иоанно-Богословская церковь. В храме Иоанна Богослова идут службы, в нём принимают многочисленных паломников, когда те крестным ходом идут в Задонские святые обители.

Игорь Маркин

**БРАТΙΑ, ПРИХОЖАНЕ И РЕДАКЦИЯ
ВЕСТНИКА АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА
С ЛЮБОВЬЮ ПОЗДРАВЛЯЮТ О. НИКОЛАЯ
С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ 10 СЕНТЯБРЯ!**

МНОГАЯ И БЛАГАЯ ЛЕТА ВАМ, ДОРОГОЙ БАТЮШКА!

В НЁМ НАШИ ЛАСТОЧКИ И КРЕСТЫ...

18 июля – Обретение мощей преподобного Сергия Радонежского (в 1422 году)
21 сентября – битва на Куликовом поле (в 1380 году)

Пытаться говорить о Сергии Радонежском – это, по ощущениям, сметь войти в область запретного, неизъяснимого по своей природе, не могущего быть изреченным. Телесные черты великого святого Земли Русской стёрлись и давно заменились духовным портретом. Тот лик, который знаем мы по иконам – это оттиск на нетленной плащанице народной памяти, проступивший из общего взгляда...

Наш язык для вызывания духа «земного ангела» и «небесного человека» тщетен – для этого нужна родственность особого рода. В отличие от нас, грешных, опустивших свой разум ниже желудка, там не бытие определяет сознание. И освобождённый, выветренный и взыскующий дух достигает там у счастливых избранников таких пределов надмирности, где язык вызывается не ведомым нам чувствованием. Тогда объяснимым становится случай, описанный в житии Преподобного Сергия его учеником Епифанием Премудрым: проезжая мимо обители Сергия, другой великий старец, его современник святитель Стефан Пермский за многие вёрсты поклонился игумену, и Сергий, прервав трапезу, поднялся и отвесил ему ответный поклон. Не вызывает тогда особого недоверия и дальновидение Преподобного в часы Куликовской сечи, когда, оставаясь за сотни вёрст в своей обители, Сергий одного за другим, вглядываясь, называл павших, читал им заупокойные молитвы, а в конце изрёк: «Мы победили». В таких случаях не глаза видят, не уши слышат – а видение (как в наше время при спутниковой связи, которая никого не удивляет) столь же естественное для другого уровня связи свершается с помощью родственного «горного» тела.

Борис Зайцев, один из самых глубоких русских писателей, отважился в 1924 году на своё житие «Преподобного Сергия Радонежского». Вообще потребность питаться от света Преподобного (и, в свою очередь, самой питать этот свет) у русской эмиграции, острее нашего размышлявшей о судьбах России, никогда не иссякала. Вспомним дивный, от начала и до конца теплом и надеждой согретый, небесным словом сотканный рассказ Ивана Шмелёва «Куликово Поле». Вспомним страстное, составленное из народного мнения, заклинание Н.К. Рериха на освящении часовни Преподобного (поставленной сибиряками в американском Радонеже в штате Коннектикут): «Преподобный знает, когда спасти», «Преподобный знает, когда явиться», «Преподобный знает, когда помочь», «Преподобный знает, где нет неверия и предательства».

Борис Зайцев, рассуждая, как создаются натуры, подобные Сергию, попадает в самое русло их таинственного движения: «Существует целая наука духовного самовоспитания, стратегия борьбы за организованность человеческой души, за выведение её из пестроты и суетности в строгий канон. Аскетический подвиг – выглаживание, выпрямление души к единой вертикали. В таком облике она легчайше и любовнейше соединяется с Первоначалом, ток Божественного беспрепятственной бежит по ней. Говорят о теплопроводности физических тел. Почему не назвать духовпроводностью то качество души, которое даёт ощущать Бога, связывает с Ним?.. Кроме избранничества, благодати – здесь культура, дисциплина». Но – и избранничество. Звезда Вифлеема зажгла многие звёзды, и одна из них, по-русски неяркая и мягкая, привела к рождению в самый необходимый момент нашей истории первого печальника Земли Русской, собирателя её единого духа.

Что мы, неразумные дети неразумного века, усушенные, к тому же, дурным образованием, знаем сегодня о Сергии Радонежском? Большинство из нас почти ничего не знает, кроме имени, которое и помимо церковных стен звучит как бы само собой, одним движением воздуха, и означает что-

Илья Глазунов. Вечная Россия. (1988 г.)

то светозовное, терпеливо нас ожидающее... Из оставшихся большая часть знает хрестоматийное: жил в XIV веке, был основателем Троице-Сергиевой Лавры – духовного центра Православной России, благословил Дмитрия Донского на битву с Мамаем и послал с московским князем на Поле Куликово двух своих монахов, один из которых, Пересвет, и начал битву схваткой с ордынским мурзой Челубеем. Вспомним при необходимости некоторые легенды, всегда сопутствующие святым, прочитанные нами среди исторических событий: то Сергий Радонежский несколько раз появлялся среди защитников своей обители в критические для неё моменты, когда поляки вместе с тушинцами в 1608-1610 годах шестнадцать месяцев осаждали Лавру, но так и не смогли её взять; то в Смутное же время, когда судьба Православия и России висела на волоске, Преподобный Сергий трижды в видениях являлся к Козьме Минину, нижегородскому гражданину, подвигая того не мешкая собирать народное ополчение для изгнания врагов; то в пору покорения Иоанном Грозным Казани и русскому царю помогал этот небесный воитель в окончательном освобождении своей земли от татарского ига... А поскольку в нас «превалирует чердак» – материалистическое мышление, то мы, и вспоминая, чувствуем неловкость за странную избирательность своей памяти: почему-то сохраняется то, что должно бы испариться, и испаряется – что забивалось гвоздями. И только немногие из нас при имени Преподобного Сергия обращаются не к памяти и не к книгам, а к душе. Он – там...

Немногие – не значит, что их мало: своим числом они соберут завидные тысячи. То, что у других предано забвению и пребывает в пустоте, у этих тепло сохранено, возжжено негасимой лампадой и заполнено собранием родных по духу имён. Тут могут быть живущие и давно почившие, тут не отказывается и никогда не жившим, созданным благословенным воображением, как Сонечка Мармеладова или Алёша Карамазов. А потому это даже и не имена, а некое общее подвижническое служение, скрывающееся за именами, сцепление согласием и любовью ко всему светлому. Тут же – и Сергий из Радонежа, служивший этому обществу как «раб купленный», по слову Епифания Премудрого: так служил он братии, ничем не возвышаясь над нею, при строительстве Троицкой обители. Но и в этой обители, построенной в душе человеческой, Преподобный не сразу облекается в свой образ: чувствуется лишь чьё-то пастырское присутствие среди всех других, чьё-то покровительство. И только после установления определённого «чина души» он проступает собственными чертами и именем.

Человеческая душа не может быть необитаемой: исходящей из неё энергии из чего-то братья нужно. Но рядом с великими покойниками, рядом с согнутыми от бремени родительства отцом и матерью, рядом с примерными судьбами из настоящего – там поселяются воспоминания, поступки, картины природы, про которые не напрасно говорят, что они западают в душу, родные слова и напевы – целый мир, собранный из самого лучшего и святого...

Без Сергия Радонежского русская душа не полна. При всём множестве любимых и почитаемых в нашем народе святых Сергиева святость несколько особого сложения – она сложена из русского представления о своём идеале.

Смерть каждого русского героя превращается в воду жизни для наших сердец и в воду смерти для наших врагов – внешних и внутренних. Сдаётся, что мы проламываем нашими мёртвыми какую-то непробиваемую стену – и снова вовне и внутри. Когда закончим, из пролома пойдёт такой сладкий, такой чистый свет, что... все воскреснут.

Александр Дугин

Высокое небо, степное раздолье,
пронизанный ветром великий простор.
И льнёт к горизонту бескрайнее поле,
где коршун парящие крылья простёр.

Струятся лучи из лазури небесной,
глубокую радость не спрятать уже.
Зачем же печальны протяжные песни?
Чего ещё надо широкой душе?

Останется то, что дано изначально.
Но всё уходящее – сердцу милей.
Протяжные песни затем так печальны,
что короток век наш на этой земле.

Нина Стручкова

Тут народ сам рассудил и, приняв житие Преподобного, лучше всего отозвавшееся народному призванию, узнав в нём свой чаемый образ, направление своих трудов, он и от себя добавил ему, и своей крови влил, чтобы не приустать ему от хождений по многим молитвам. И, веками к нему припадая, дотворил Сергия до полной свойственности... К Сергию народ не мог охладеть: это значило бы отказать от самого себя. В самые тяжкие для общей нашей судьбы моменты в русском сердце слышался его участливый голос: «Не скорби, чадо». Борис Зайцев в XX веке попытался вращённые в нём чувства оборотить в сторону того, кем они были посеяны: «О, если б его увидеть, слышать. Думается, он ничем бы сразу и не поразил. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное святого плотника великорусского... Такой Преподобный Сергий даже на иконе – через всю её условность – образ обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нём наши ржи и васильки, берёзы и зеркальность вод, ласточки и кресты и – не сравнимое ни с чем благоухание России. Всё – возведённое к предельной лёгкости и чистоте».

Валентин Распутин.

Из очерка «Ближний свет издалека»

ХРАНИМЫЕ В ЧУДНОМ СВЕТЕ

Хранить можно только то, что ты имеешь, что знаешь и чем сознательно обладаешь. Например, я знаю, что у меня есть важный документ, и я его буду хранить... Для того, чтобы хранить, нужно знать, что именно у тебя есть, понимать это и – любить это. Можно знать и не любить – но тогда этого хранить не будешь. А если знаешь и любишь – будешь хранить.

«Русь Святая, храни Веру Православную!» Эти слова были написаны тогда, когда все русские были православными. Сегодня не все русские православные, к тому же, многие из тех, которые, вроде бы, православные, не могут хранить Веру просто потому, что её недостаточно знают. У нас сегодняшних есть задача: чтобы русские люди опять полюбили Христа так, как они Его любили раньше.

Почитайте любой давний справочник-путеводитель по городам средней России. Например, в каком-то уездном городе N. с тридцатью тысячами населения – шесть монастырей, двенадцать приходских храмов и кафедральный собор. Это была нормальная картина на Руси. Сейчас в Подмосковье есть программа восстановления старых храмов. Поруганные храмы эти находятся по сёлам, на некоторых – деревья растут, стены обвалились... И надо их восстановить. А в восемнадцатом, девятнадцатом веке строили эти деревенские храмы по размерам практически одинаковыми с кафедральными соборами, причём безо всяких «присадок» и добавок в бетон и в прочий стройматериал, без современной строительной техники. Просто руками работали, лбёдками. Мужики собирались и возводили огромный храм в деревне – такой, что сейчас и в городе трудно построить.

Так было, когда существовала наша цивилизация, Русская Атлантида, словно ушедшая потом под воду; когда длилась ещё настоящая православная жизнь, что затонула под тяжёлым слоем безбожия. Мы даже не понимаем, что это была за жизнь такая, как существовали эти люди. Ведь тогда жили, питались и одевались довольно просто, у большинства были простые радости и интересы; перечень доступных нам сегодня продуктов во много раз больше. Многие из тех людей никогда не выезжали за пределы своей страны, и на одном месте представители того или иного рода жили столетиями. И вместе с тем – эти древние люди понимали и умели делать то, чего мы не умеем, что совсем разучились делать.

Вспомним, как греки в шестом веке строили «Святую Софию» – самый большой храм христианского мира, самый просторный, красивый и богато украшенный. Там Престол был из чистого золота, а на каждом кирпиче оттискивали цитату из псалма. Когда рабочие вели кладку, то после каждого

Исаак Левитан. Над вечным покоем. (1894 г.)

двенадцатого кирпича они останавливались, читали «Отче Наш» – и потом двигались дальше. Двенадцать кирпичей – «Отче Наш»; двенадцать кирпичей – «Отче Наш»... И возвели «Софию» за пять лет и одиннадцать месяцев, тогда как недавняя реконструкция-реставрация московского Большого Театра длилась шесть с лишним лет. Что мы можем при всех наших современных технологиях по сравнению с теми простыми людьми? Эти «лапотники» засеяли всю Русь храмами и молились в них!.. А мы сегодня не можем эти храмы отреставрировать, хотя и в космос летаем...

То, что существовало раньше, было красиво, гармонично и строилось надолго. А сейчас – примеров множество, куда ни глянь – эстетическая ущербность, ужасающее падение нравственности, жизнь сиюминутным и великая нищета духовная! И притом – огромное желание хвалиться!

А чем же нам похвастать? Конечно, историей! Ведь если в сравнении с нею на сегодняшний день по-настоящему глубоко смотреть – это такое растление ума, такое шатание мысли и слабость сердца, такое безволие и порабощённость страстям и удовольствиям!.. Кажется, для многих сегодня единственная цель в жизни – отдыхать: денег «нагреть по-лёгкому» и «расслабиться»; побыстрее разбогатеть и дурака валять всю жизнь – больше целей нет. Особенно в больших городах развращены люди: не хотят напрягаться, мозолей бояться; не только кровь, но и пот не станут проливать. И в Бога верить отказываются! Прежде даже и последний человек, даже каторжный разбойник с рваными ноздрями верил в Господа Бога. Все знали: нельзя, чтобы Бога не было – Он есть. Если Его нет, то зачем тогда жить вообще?

У Фёдора Михайловича Достоевского каторжник Федька говорит своему безбожному господину Верховенскому: «По великому разврату ума Вашего Вы даже в Господа Бога Вседержителя веровать отказываетесь. И, не будь Вы мой природный барин, я б Вас здесь, как муху, и пришел бы на месте». Слышите, какие слова каторжник говорит: по великому разврату ума Вы даже Богу не молитесь! А нынче из нашего племени наберётся не один миллион людей с великим развращением ума. И разве скажешь такому: «Храни Веру Православную!»? Да и как он её будет хранить, если он её не любит, не понимает и знать не хочет?

Святость была народным идеалом, когда смысл жизни, по слову апостола Павла, «не пища и питье, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе» [Рим. 14, 7]. И если б русские святые пришли к нам сегодня, то вряд ли б нас похвалили. Сказали б: «Мы кровь проливали и работали с утра до вечера, а вы желаете только отдыхать! Мы веровали, и молились, и, хоть тяжёлую жизнь

прожили – не унывали и пели». Да, раньше трудились – и пели, потому что душа у человека была деятельная и светлая. Жизнь трудная, а душа – лёгкая. А сегодня народ петь, тем паче за работой, практически перестал – душа не поёт. Потому что нет в ней Духа Божьего, нет радости и смысла в жизни – гляньте на простого современного человека... Такая вот история.

Может, праздник Всех Святых, в Земле Российской просиявших, для наших святых – грустный праздник? С одной стороны – Собор Святых Русских, Полче Божественный... Целый полк! Вот, как на парадах идут полки со знамёнами: грозно, стройно, единым шагом – любо-дорого смотреть! Представьте, что этот полк из святых состоит: полки Божественные по Небесам движутся, полки от нашего рода, от русских людей!.. Почему же здесь, на земле мы об этом так напрочь забыли, что почти никто о нашем святом воинстве знать не знает?

Нет, если нам ещё дальше придётся жить, и Господь Бог нас будет терпеть, то Он скажет: «Ну, давайте, делайте что-то!..». И это «что-то», самое важное – как раз снова научить русского человека верить в Бога. Правда, есть такой духовный закон: тех, которые верили, а потом Веру потеряли, очень трудно снова к ней привести. Гораздо легче обратиться к Богу новых людей: те, кто никогда не верил, примут Веру радостно. Так апостол Павел говорил: «Я сам хотел бы умереть, только чтобы евреи были спасены. Я ведь сам – еврей, от Вениамина колена, обрезанный на восьмой день, и я люблю народ мой» [Рим. 9, 3]. Но они не веровали, и апостол Павел отправился к язычникам, сказав евреям: «Вы Бога знаете, а в Христа не верите. А они вообще ничего не знают. Но они – поверят» [Рим. 10]. И точно – язычники поверили...

Наш народ пережил великую катастрофу. Он был-был верующим, а потом что-то сломалось в нём. Не сразу оно сломалось,

долго процесс тайный шёл, как болезнь в организме в скрытой форме; потом вдруг – как вспышка произошла, и всё обрушилось. И теперь вернуть обратно к вере наш народ – это великая, но и очень трудная задача. И как её осуществить?

Вы скажете: «Ты священник, это твоя задача – ты и говори, и делай». И правильно скажете, я так и буду делать. Но каждый из вас, из нас – может стараться тоже. У всех есть друзья, знакомые и родственники, вокруг вообще много людей. И надо постараться, чтобы ближние наши тоже приклонили своё сердце к вере. Молиться Богу, Спасителю, Сыну Божию ведь можно в любом случае и во всяком месте. Помните, как Фёдор Иванович Тютчев написал: «Удручённый ношей крестной всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя»? Христос знает нашу землю и наш народ, и лучшие люди нашего народа тоже знают Христа, они – Христовы. И надо, чтобы Его узнали и другие: новорождённые дети, старики, на пороге могилы стоящие, чтобы не шагнули они за смертный порог без молитвы. А ведь сегодня множество людей приблизились к этому порогу – но нет в голове у них ни одной святой мысли, всё сериалы смотрят... Их много, и не далеко – а здесь, рядом: и тут, и тут, и там... А надо всего-то поднять глаза к Небу и сказать: «Господи, да прости Ты меня!» – и жизнь свою вспомнить, и с крестным знамением шагнуть в эту бездну – а там, даст Бог, тебя подхватят...

Радостно, что за спиной нашей – великая слава святых, но больно, что вокруг – какое-то странное рабство: словно на руках невидимые цепи, с которыми нам и перекреститься трудно, будто кто-то за руки держит; помолиться трудно – рот не раскрывается... Многим, наверное, известно такое состояние, когда будто язык не шевелится, сердце молчит, в груди – камень, и нет молитвы, и искушений много, и грехи душат. И как будто никого нормального рядом с тобою нет – какой-то зверинец или фильм ужасов... Вроде, всё с тобою хорошо: сыт, одет, крыша над головой, не на войне – а плохо тебе, душа не на месте.

Отчего эта мука? Оттого, что нет Веры в людях. Нет Веры – значит, и любви нет. И потому страсти нас раздирают, и мучают сплетни, осуждение, жадность, блуд, разврат... А некоторые и во все живут так, как будто их не Бог создал, а они, действительно, от обезьяны произошли – и вот, решили доказать это всему миру... А хочется, чтобы стало явным для всех нас, что земля наша – Русь Святая, и что мы – народ святой. Люди, взятые в удел Божий, в удел Божьей Матери – для того, чтобы возвещать совершенство Создателя, призвавшего нас из тьмы в чудный Свой Свет.

По слову протоиерея
Андрея Ткачёва

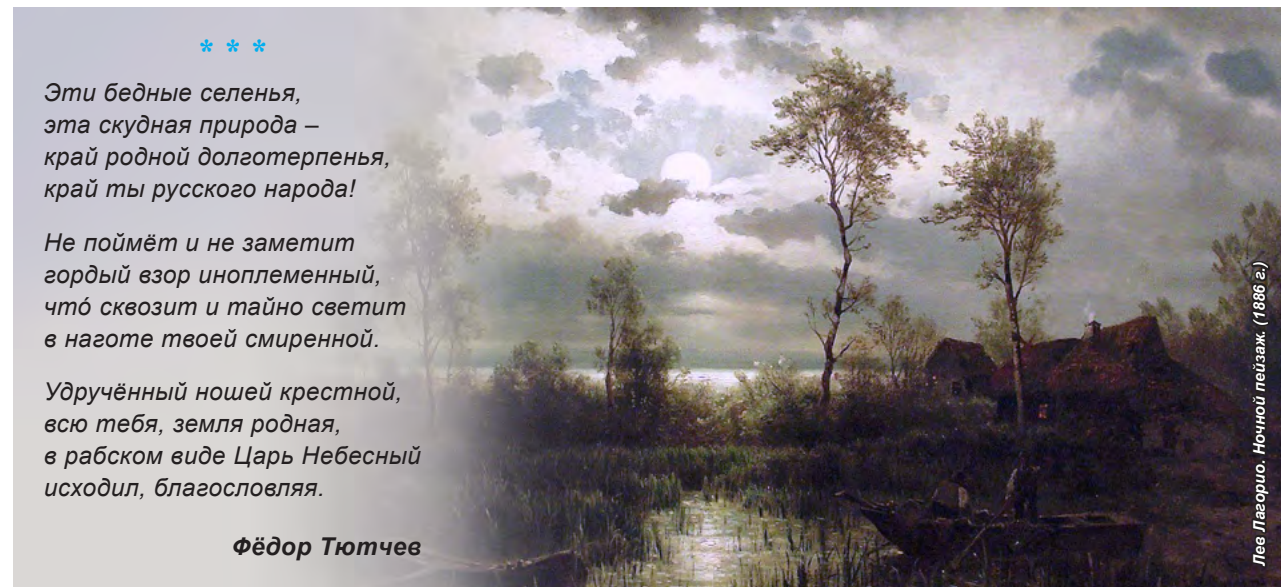
* * *

Эти бедные селенья,
эта скудная природа –
край родной долготерпенья,
край ты русского народа!

Не поймёт и не заметит
гордый взор иноплеменный,
что сквозит и тайно светит
в наготе твоей смиренной.

Удручённый ношей крестной,
всю тебя, земля родная,
в рабском виде Царь Небесный
исходил, благословляя.

Фёдор Тютчев

Фёдор Тютчев. Ночной пейзаж. (1886 г.)

СВЯТЫНЯ У ОЗЕРА НЕРО

Ростовский Петровский монастырь принадлежит к числу наиболее древних монастырей в России. Он находится неподалёку от города Ростова Ярославской губернии, почти на самом берегу озера Неро. Местность, окружающая монастырь, представляет собою низменную равнину, окаймлённую с правой стороны озером, а с левой – лесом. В весеннее время эта низменность вблизи монастыря на значительное пространство затопляется разливом озера и вытекающей от него реки Вексы, что придаёт монастырским окрестностям живописный вид. Около монастыря с давних времён приютилась небольшая слободка, именуемая Петровской.

Петровская обитель была основана святым Петром Ордынским в XIII веке на месте явления ему первоверховных апостолов Петра и Павла; там же покоились и мощи святого. В Смутные времена, как и многие другие русские монастыри, Петровский полностью уничтожили вторгшиеся на Ростовские земли польско-литовские войска. И обители пришлось долгие годы восстанавливаться. Обитель была небогатой, и долгое время монастырские постройки возводили только из дерева. Большое каменное строительство началось здесь только во времена царствования Алексея Михайловича Романова. Ближе к концу XVII века в монастыре построили первый каменный пятиглавый Петропавловский собор. Освящать его в 1684 году прибыл ростовский митрополит Иона III Сысоевич.

Этот храм был крыт деревянным тёсом. На барабане, предназначенном под среднюю, самую большую главку, сделали четыре световых окна, в которые вставили куски слюды. Внутри хранился образ явления преподобному Петру святых апостолов Петра и Павла в деревянном киоте. А над дверями, ведущими с собор, висела икона Иисуса Христа. В начале XIX века для хранения мощей преподобного Петра соорудили красивую серебряную раку.

С 1805 по 1811 годы в монастыре был построен кирпичный настоятельский корпус. А в 30-40-е годы XIX века всю территорию обнесли кирпичной оградой, на углах которой поставили массивные четырёхугольные башни.

В 1910 году в монастырской летописи были записаны многочисленные чудеса, случившиеся у мощей преподобного Петра Ордынского.

Осенью 1917 года монашеская братия Петровского монастыря переселилась с тем, чтобы освободить место для эвакуации из Эстонии сестёр эстонского Пюхтицкого женского монастыря.

В годы советской власти монастырское имущество растащили и разграбили. В Петровском монастыре был разрушен до основания Петропавловский собор, арка въездных ворот и полностью ограда монастыря, а также бывшая прекрасным высотным ориентиром колокольня обители. Место почитания

преподобного Петра было поругано на многие десятилетия.

Саму обитель в 1928 году закрыли. А оставшаяся братия перешла в это время жить в соседний Авраамиев Богоявленский монастырь. Последнего священника отца Симеона арестовали в 1932 году и отправили в тюрьму, устроенную в Белогостицкой обители, где он и скончался. По словам очевидцев, до своего ареста в 1930-е годы последний настоятель Петровского монастыря архимандрит Симеон (Филиппов) жил в Авраамиевом монастыре на первом этаже Введенского храма.

До 1933 года в целости пребывали: Петропавловский Собор (1684 года постройки), зимняя церковь Похвалы Пресвятой Богородицы (1696 г.), братский корпус (1805 г.), колокольня, четыре угловые башни и стены монастыря (XIX век). Все постройки из кирпича. В 1933-1934 годах на кирпичи разобрали древний пятиглавый Петропавловский собор, трёхъярусную колокольню, монастырскую ограду и Святые ворота. На фундаменте собора устроили гаражи. В помещении зимнего храма Похвалы Божией Матери (1696 год) разместили цех по разливу газированной воды, который в народе называли «пивной завод», производственные конторы и мастерские, доведшие это строение до плачевного состояния. Угловые башни и игуменский корпус использовали под квартиры для жителей бывшей Петровской слободы.

Восстановление монастырского хозяйства началось лишь в конце 1990-х годов. В 1999 году на территории обители, в том месте, где раньше стоял Петропавловский собор, появился православный крест. Вскоре после этого началась передача немногочисленного оставшегося имущества и построек приходской общине, образовавшейся при церкви Похвалы Пресвятой Богородицы. Богослужения на территории монастыря возобновили летом 2005 года. Позже удалось найти место, где были закопаны мощи преподобного Петра. Оно оказалось с юга под основанием стены разрушенного Петропавловского собора. Здесь был сооружён кирпичный саркофаг, поверх которого установили памятную каменную плиту. Сохранившийся храм представляет собой просторное здание в два этажа, имеющие широкое квадратное основание. К нему пристроена большая одноэтажная трапезная. Богатый внешний декор этой церкви сейчас почти утрачен. В годы нещадной эксплуатации здания были сбиты резные каменные наличники, обрамляющие окна, легкие кокошники, фриз и карнизы.

Особо почитаемыми монастырскими святынями являются иконы, изображающие Петра Ордынского, момент явления этого святому апостолов Петра и Павла, а также образ Успения Божией Матери, привезённый в монастырь из обители Вепрева Пустынь.

ОН ВЫБРАЛ ИСТИННУЮ ВЕРУ

Многие представители больших и малых народов издревле, приняв Веру Христову, становились не только членами Православной Церкви, но и святыми её подвижниками, в числе которых встречались и татарского происхождения. Восемь веков назад татаро-монголы страшным смерчем обрушились на Русь. И тогда, и в дальнейшем не раз разоряя наши земли, степняки всё же не посягали на русские души и на Русскую Веру Православную – зарились только на имущество, скот, отбирая нажитое достояние у населения покорённых земель, тем и удовлетворялись. Для облегчения участи русских пленников-христиан в столице Золотой Орды Сарае возникла Православная епархия, со временем распространившая своё влияние и на земли по Дону, именуемые Подонье или Придонье. Впоследствии многие татары прониклись светом Православной Веры, и одним из настоящих подвижников Православия стал святой Пётр Ордынский, Ростовский чудотворец. По рождению был он ханских, царских кровей татарин Даир Кайдагул Орда-Ичинов сын, или Пётр Ордынский Чингизов, правнук основателя монгольской империи Чингисхана. Его отец Орда-Ичин был старшим сыном Джучи. А Джучи, в свою очередь, был старшим сыном самого Чингиса. Начало его пути к Богу – середина XIII столетия, а сама жизнь святого царевича (в крещении Петра) – яркий пример того, какой плод приносит нелёгкий благодатный святительский труд пастырей Русской Церкви.

В 1253 году Ростовский православный епископ Кирилл II – архипастырь, по словам летописей, благочестивый, обладавший даром красноречия и весьма любимый народом – отправился в Золотую Орду по церковным нуждам своей епархии. Встреченный с честью великим ханом Берке, которого на Руси звали Беркай, он рассказал повелителю Орды про Святую Веру и православные чудеса, совершавшиеся при мощах Ростовского святителя Леонтия. Среди внимательных слушателей его оказался и юный племянник хана Даир, прямой потомок Чингисхана, находившийся в ханской свите. Речи святителя Кирилла произвели на юношу сильнейшее впечатление, слово о Христовой Вере тронуло и взволновало его до слёз, поселившись в его сердце. Царевич буквально по пятам ходил за епископом, не желая пропустить бесед своего дяди с Кириллом. Поклонявшийся, как и его предки, богу Тенгри, небу и огню, Даир стал сомневаться в языческой вере. После отъезда владыки Кирилла отрок стал часто уединяться, размышляя о рассказах святителя – о прекрасных храмах и чудесных иконах, о вдохновенных православных молитвах и красиво звучащих песнопениях. Он убежал в степь, чтобы наедине размышлять о слышанном, и думал так: «Наши ханы веруют в солнце и месяц, в звёзды и огонь. А где же истинный Бог?». Он рассуждал так же, как когда-то праотец Авраам. Но тот был потомком благословенного рода, а этот юноша – благородный отпрыск злого языческого племени. Юному язычнику очень хотелось самому убедиться в верности услышанного.

Вскоре у хана Берке разболелся единственный сын. Приглашённые ханом врачи разных народов, как ни старались, ничего не могли поделать с недугом. Тогда хан, вспомнив рассказы епископа Кирилла об исцелениях, совершающихся при гробе святого Леонтия Ростовского, призвал русского святителя пред свои очи. Перед отправлением в Орду епископ долго и усердно молился пред иконой Божией Матери и у гроба святого Леонтия, прося исцеления болящему ради вящей славы Христовой Имени. И, наказав, чтобы в Ростове совершали «молебна пения», двинулся в путь. Приехав к больному, он помолился Богу, окропил отрока освящённой водой, и чудо свершилось – сын Берке выздоровел.

Великий хан щедро одарил православного епископа и перед отъездом его выдал ему специальный ярлык, по которому ежегодная дань с князей ростовских и ярославских причиталась

«Дому Пресвятой Богородицы» – соборному Успенскому храму города Ростова. Святитель Кирилл собрался на Русь, а Даир принял решение уехать вслед за ним в Ростов, посмотреть храмы Русской Земли, увидеть чудеса, производимые православными святыми, и принять там Православную Веру. «Ведь в наших краях не бывает чудес от солнца, от месяца, от звезд или от огня», – говорил он. В то время отца у него уже не было, и овдовевшая мать распоряжалась всеми богатствами их дома. Узнав о замысле Даира, мать его, пытаясь отвлечь сына от отъезда, показала ему отцовские сокровища, унаследованные им. Но юноша тайно раздал эти богатства бедным татарам, много сокровищ отдал епископу Кириллу для Русской Церкви. Потом ханский племянник бежал из Орды и, догнав в пути на Русь епископа Кирилла, уговорил взять его с собой. Он скрылся от своих близких, снискав тем Божию благодать раньше, чем принял святое крещение и избрал для себя духовный путь, отличный от язычества его предков. Так же древний Мелхиседек, царский сын, убежав из дворца, стал впоследствии священником.

На пути из Орды царевич рассказал святителю о себе следующее. «После первого посещения Орды тобой и по отшествии твоём на Русь мысль о Вере Христианской не давала мне покою ни днём, ни ночью. Она всюду преследовала меня, и даже в уединённых прогулках я более всего размышлял о суете мира и о поклонении солнцу, которое, по словам твоим, есть творение Бога иного. В одну ночь я увидел дивный сон: мне представилось великое поле, беспредельная даль которого озарена

Продолжение на стр. 18-19

была каким-то дивным светом. Там я ходил среди многочисленного народа, мечтая о Христианской Вере. Вдруг вижу: вдали появилось стремящееся на меня страшное чудовище на четырёх лапах и о семи головах, каждая из которых пожирала мгновенно человека и не была сытой, и снова начинала пожирать находящихся тут людей. Много из народа того разбежалось в разные стороны для своего спасения. Только я один оставался уже на том поле. И вот чудовище спешит ко мне. Смерть кажется мне неизбежной. Помощи к спасению нет мне ниотколе, сердце моё в груди замерло. Страшные пасти чудовища, полные смертельных серповидных зубов, разверзлись так, что им оставалось только проглотить меня с головой и с ногами. Вдруг пришли мне на память имена святых апостолов Петра и Павла, которые часто повторял ты в своей беседе с ханом. Тут я ради спасения своего закричал: «Святые апостолы Пётр и Павел, помогите мне!» — и тотчас от этих слов чудовище стало неподвижным. Вдруг с восточной стороны я увидел двух идущих ко мне благолепных мужей в одеждах блестящих, осиянных дивным светом. Один из них имел в руке своей ключи, а другой — меч. При виде их чудовище встало смиренно с поникшей головой, хотело бежать вспять, но не могло: взгляд одного из апостолов остановил его. А тот, что был с мечом в руке, стал им отсекал головы чудовищу одну за одной. Отсекая последнюю голову, он сказал чудовищу: «Это друг наш, а ты хотел пожрать его!» Тогда я, избавленный от чудовища, спросил их: «Кто вы?» — «Мы — слуги христианского Бога, в которого верует Кирилл и о котором проповедуют друзья Кирилловы, — отвечали оба мужа. — А имена наши — Пётр и Павел!» — сказал это, они стали невидимыми, и тут я пробудился ото сна».

В Ростове татарский царевич жил в доме Кирилла, ходил в храм Успения Пресвятой Богородицы — тот самый, куда Берке повелел вкладывать часть собранной на Руси дани. Здесь, в ростовском кафедральном соборе на левом клиросе пели по-гречески, а на правом — по-русски. Юный ордынец душой воспринял эту красоту. Богослужения приводили Даира в восторг, и сердце юноши наполнилось истин-

ной Верой. Как писал летописец, «новая луна взошла в сердце царевича», и Даир просил крестить его. Однако владыка Кирилл велел царевичу подождать, опасаясь, что хан Берке, узнав о крещении своего племянника, пойдёт на Ростовское княжество войной. Прошло время — хан Берке умер, в Орде перестали искать пропавшего царевича. В 1266 году в Сарае сменился хан. Новым правителем стал Менгу, который покровительствовал Православной Церкви и даже освободил её от налогов. Исчезло препятствие для крещения царевича, и святитель с радостью крестил беглеца, который при крещении получил имя Пётр. Так молодой правнук Чингисхана Даир стал Петром Ордынским.

Новый христианин к этой поре уже выучил русский язык, с упоением читал церковные книги и усердно молился. Одевался царевич по русскому обычаю, только волосы зачёсывал так, как это делали мужчины в Орде. Он по-прежнему любил свою отеческую землю, однако душа Петра была проникнута Православной Верой.

После кончины владыки Кирилла Ростовскую кафедру возглавил епископ Игнатий. Пётр же продолжал оставаться при нём в кафедральном доме. При всём богатстве и знатности Пётр, как отмечается в его житии, отличался «скромностью, молчаливостью, богомыслием и склонностью к молитвам». Временами он забавлялся соколиной охотой на берегу ростовского озера Неро. Раз, припозднившись, ханский племянник заснул прямо у озера. Ночью крещёному ордынцу приснился удивительный сон, в котором ему явились святые апостолы Пётр и Павел. Открыв глаза, молодой охотник изумился: апостолы не исчезли... Перед ним стояли мужи огромного роста, от которых исходил неземной свет, разгонявший окрестный мрак. Царевич пришёл в трепет, трижды он хотел встать — и трижды падал перед светлыми мужами ниц. Наконец, апостолы, подняв его, сказали: «Не бойся, Пётр, мы посланы к тебе Богом, в Которого ты уверовал. Твоя молитва о Вере услышана». «Кто вы?» — спросил царевич. — «Пётр и Павел, апостолы Христовы. Мы желаем, чтобы здесь, где ты заснул, был воздвигнут храм Божий». — И святые мужи протянули царевичу два мешочка с деньгами: с серебром и с золотом. — «Завтра в городе выменяй три иконы, продолжали они, — Богородицы с Предвечным Младенцем, святого великомученика Димитрия и Николая Чудотворца. Сколько бы тебе ни сказали отдать денег, отдавай, причём расплачивайся девятью монетами серебряными, а каждой десятой — золотой. Затем отнесёшь святые образа епископу и скажешь, что апостолы Пётр и Павел повелевают построить во имя их церковь на указанном ими месте — вот здесь, на месте нашего явления. В знак же истинности своих слов сошли на иконы и мешки с деньгами. И делай всё то, что прикажет епископ». Сказав это, они стали невидимы. Поражённый видением, Пётр пробыл у озера до утра.

В ту же ночь апостолы явились и епископу Игнатию, прося его устроить храм во имя их. Проснувшись утром, крайне удивлённый епископ призвал ростовского князя Бориса Васильковича и, поведав ему о своём сне, добавил: «Не знаю, что и делать — недоумеваю, где строить такой храм»...

Тем временем ордынский царевич до восхода солнца молился на месте явления ему апостолов, затем, как и было ему велено, отыскал в Ростове у проезжего иконописца три указанных Петром и Павлом иконы, отдал тому столько денег, сколько иконописец запросил, и понёс святые образа епископу.

Беседуя о чудесном явлении апостолов, епископ Игнатий и князь Борис увидели шагающего к ним Петра с сияющими иконами. Оба изумились, недоумевая, где крещёный татарин достал столь дивные святые образа, ведь в Ростове тогда не было иконописца. Выслушав рассказ Петра, они благоговейно поклонились иконам и отслужили в храме перед ними молебен. Затем совершили крестный ход к месту явления апостолов и здесь, в срубленной деревянной часовне, поставили святые иконы. Пора было приступить к постройке храма. Однако князь Борис

вдруг спросил Петра: «А если я не дам земли под эту церковь?» — «Выкуплю её», — твёрдо заявил ордынский царевич. Князь стал размышлять про себя, сколько бы ему отделить земли, и потом, как бы в шутку, спросил Петра: «Расплатишься ли ты за землю так же, как и за иконы, кладя по моей земле девять монет серебряных, а десятую золотую?» Пётр обещал расплатиться так, как хочет того князь.

Отмерено было большое пространство для постройки церкви. Место для храма было удивительно красивым: густой лес, рядом плещет волнами озеро Неро... Когда рыли ров для храмовых стен, Пётр, помня, что сказал ему князь Борис о плате за землю, принялся выкладывать дно рва монетами из тех мешочков, что ему вручили апостолы. Как и в случае с приобретением трёх чудесных икон, Пётр выкладывал подряд девять серебряных монет, а десятую — золотую. Ров оказался длинным, однако, к великому удивлению князя и его свиты, деньги в мешочках не убывали... Князь принял плату с благоговением, видя в этом благословение апостольское, и в благодарность за то дал грамоты, по коим во владение церкви отошло много земли по берегу озера, немало лесов и полей, которые потом были застроены и заселены. Так было положено начало храму святых первоверховных апостолов Петра и Павла, при котором вскоре появилась обитель иноков — Петровский монастырь «на поле». После чуда с деньгами Петру начали оказывать в городе необыкновенные почести, он же вынужден был уклоняться от них, желая жить в уединении.

Через некоторое время князь Ростовский и епископ Игнатий уговорили крещёного татарского царевича жениться. Венчание Петра с дочерью виднейшего ордынского вельможи, жившего в Ростове, совершилось в соборном Успенском храме. В благочестивом браке появилось многочисленное потомство. Вскоре Пётр Ордынский и князь Ростовский Борис побратались, а святитель Игнатий закрепил это братотворение церковным обрядом. Так что дети князя Бориса, юные княжичи звали Петра своим дядей. Прошли годы. Отдал Богу душу епископ Игнатий, умер князь Борис Василькович, а Пётр Ордынский так и жил в Ростове Великом. После смерти супруги, будучи уже глубоким старцем, потомок Чингисхана принял иноческий постриг в основанной им при Петропавловском храме мужской Петровской обители на берегу озера Неро.

Скончался преподобный Пётр Ордынский в 1290 году. Тело его было погребено в соборном Петропавловском храме монастыря, и там его мощи почивали под спудом до начала XX столетия. Немало чудес происходило у святых мощей Петра, родивших почитание ему. За святость жизни Господь почтил царевич Петра чудесами и исцелениями, совершающимися от его мощей, которые до разорения обители в 1933 году почивали под спудом у южной стены Петропавловского собора напротив иконостаса.

Но после смерти история рода православного ордынского царевича не заканчивается, ведь до пострига святой был женат, имелись у него и наследники. Известно, что правнука Петра звали так же, как прежде и епископа Ростовского — Игнатий.

В 1326 году посол Золотой Орды Ахмыл, разорив Ярославль, с великим воинством двинулся к Ростову. Этот поход известен в русских летописях как «Ахмылова рать». Увидев приближающихся ордынцев, на городские стены поднялись два человека — правнук Петра Ордынского Игнатий и ростовский епископ Прохор. Не испугавшись грозной рати, оба покинули город и, взяв с собой соколов, шубы и другие подарки, крестным ходом встретили посла Орды на берегу озера Неро, близ монастыря, основанного святым Петром Ордынским. Игнатий, преклонив колено пред Ахмылом, объяснил ему, что он сам происходит от древнего ханского рода, что это место — царское, купленное прадедом его, потомком Чингисхана, и что здесь совершаются чудеса.

В том походе с Ахмылом ехал его сын, который после разорения Ярославля сильно занемог. Помня, что некогда святитель Кирилл Ростовский исцелил молитвами сына ордынского хана, посол Орды обратился к пришедшим за помощью. И епископ Прохор исцелил сына Ахмылова, дав ему отпить освящённой воды и осенив святым крестом. Обрадованный чудом, Ахмыл прославил Бога и благодарил епископа, подарив ему «сорок литр серебра и тридцать литр его клиру». Так благодаря потомку преподобного Петра Ордынского Ростов был спасён от вторичного разорения. Прощаясь, Ахмыл сказал правнуку Петра Ордынского: «Игнатий! Ты наша, царёва кость и наше племя!». И заверил, что никто из ордынцев не тронет города Ростова.

Почитание преподобного Петра Ордынского началось с XIV века — именно этим временем датируется древнейший список «Сказания о блаженном Петре Ордынском», как и свидетельства о первых чудесах, совершавшихся у его мощей. Повсеместное же празднование в его честь установлено на Соборе 1547 года при митрополите Всероссийском Макарии, и совершается оно **12 июля** (30 июня ст.ст.).

Дорогие братья и сестры!

Просим пожертвовать на оштукатуривание стен храма во имя святителя Антония (Смирницкого).

Ваши пожертвования направляйте по реквизитам, указанным ниже. Имена жертвователей будут поминаться на проскомидии.

Протоиерей Николай Бабич.

МРО ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ВО ИМЯ СВ. АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО), АРХИЕП. ВОРОНЕЖСКОГО И ЗАДОНСКОГО г. ВОРОНЕЖА

Реквизиты: ИНН 3665045857, КПП 366501001, р/с 40703810600510003141 в Филиале «Центральный» Банка ВТБ (ПАО) в г. Москве. К/с 30101810145250000411, БИК 044525411

Либо на карту СБЕРБАНКА 5469 1300 1724 1736 (привязана к тел. 8-951-860-40-40)

ОСТАЛИСЬ РУССКИМИ

О святителе Митрофане Воронежском

О святителе Митрофане рассказано и написано немало. Однако личность первого епископа воронежского столь многогранна, что и по сей день не осознана до конца: глубина и разнообразие его деяний всякий раз призывает нас к новому осмыслению.

Казалось бы, неоспорима роль святителя в становлении и укреплении Воронежской епархии. Но поскольку наша страна переживала разные эпохи, в её истории есть и период, когда значимость деяний Митрофана Воронежского сводилась на нет, а то и «забывалась». Наибольшую полемике вызывал и продолжает вызывать вопрос о влиянии его на Петра I. Отношения между царём и воронежским епископом представляли по-разному, порою имевшие их едва ли не «случайными». Одним из «веских» аргументов этой нелепой версии являлось то, что Митрофана Воронежского в своих записях не упоминает иноземец Корнелий де Бруин, в начале XVIII столетия посетивший Воронеж и оставивший о том воспоминания. Не упоминает – значит, епископ Митрофан не такая уж и значимая личность...

Но кто такой Корнелий де Бруин? Голландец, интересный художник, путешественник и «по совместительству» промышленный шпион. Подобных ему в эпоху петровского кораблестроения в Воронеж наезжало немало. Тогда Запад нас называл даже не Россией, но Московией, а их учёные географы вполне серьёзно полагали,

что река Дон разделяет Европу и Азию. Согласно их «просвещённым» утверждениям, часть нынешней Воронежской области расположена на Европейском континенте, часть – в Азиатском... И вдруг Пётр, «Владелец дремучей Московии» затеял строить корабли, чтобы вывести свой народ к морю! В Европе, конечно, по этому поводу зубоскалили, а в душах-то у них холодело: вдруг у московитов получится? У нас – получалось. Потому и наезжали к нам специалисты разного профиля, которые, бывало, являлись и профессиональными согладателями.

Можно ли представить беседы святителя Митрофана с царём о важном государственном деле при каком-то там голландце? Естественно, это исключено. И если уж рассматривать отношения Петра и воронежского епископа в связи с пристрастными иностранцами, то отталкиваться надо не от оценки Корнелием де Бруином Митрофана, а напротив – учитывать, как сам святитель относился к «путешественникам» подобного рода. Не по чину православному епископу встречаться с заезжим латинянином, да и болел уже в те дни наш преподобный старец.

Епископ Митрофан оказался близок Петру совсем не «случайно». Когда в 1682 году одновременно венчали на царство юных наследников русского государя Алексея Михайловича, Ивана и Петра, то во время торжественной церемонии именно Митрофан, уже назначенный на воронежскую кафедру, но тогда ещё пребывавший в Москве, подавал десятилетнему Петру знак царской власти – державу. Вскоре Митрофан отправился на епископство в Воронеж, где впоследствии не раз встречался с русским самодержцем. Разве это случайность? То – Промысел Божий. И современное тому свидетельство – ежегодные крестные ходы из Воронежа от мощей святителя Митрофана в Задонск к мощам святителя Тихона. Совершаются они в двадцатых числах августа, ведь именно в эти августовские дни более четырёхсот лет назад был основан Задонский Рождества Богородицы мужской монастырь.

Нет в истории Руси случайностей. Не случайно было и шествие Тамерлана в 1395 году, и битва у Ельца, и крестный

Василий Криворучко. Строительство флота в Воронеже.

ход жителей города Владимира со святым Богородичным образом, и встреча крестоходцев москвичами... Как и само рождение Сретенского монастыря. В момент передачи московским богомольцам святого образа владимирцами Тамерлану в Ельце явилась Богородица и оградила Русь от страшного разорения – тоже в двадцатых числах августа. В августовские дни 2008 года белым днём в безоблачном небе Ельца над тем самым местом, где Тамерлану явилась Божия Матерь, завис сияющий Крест – знак непрерывной связи земных событий, у которых есть начало, продолжение, но нет окончания, покуда жив род человеческий.

Время начала XVII столетия в России принято называть Смутным. Страшная дилемма – быть или не быть русскому народу – чёрной тучей нависла тогда над страной, и уже начала проливаться на Русскую Землю губительная смута. Иноки московской Сретенской обители Кирилл и Герасим со списком иконы Божией Матери «Владимирская» вдвоём отправились в те поры в крестный ход: умолить Небесную Царицу, чтобы Она избавила наш народ от неминуемой гибели. И был монахам на берегу реки Репец у Задонска благоприятный знак от Богородицы: простёрла Владычица Свой Покров – и выдужила Русь.

В причудливую и закономерную вязь перечисленных событий органично вплелась эпоха петровского кораблестроения, короткая, яркая и бурная. Очередная – очень трудная. В годы, когда на Воронеже рождалась Азовская, или Донская флотилия, святитель Митрофан стал тем регулятором, который помог сохранить в русских – русском. В тихий доселе Воронеж хлынуло тогда много иностранцев, и все – с менталитетом своих земель и княжеств, со своими привычками и амбициями, с попытками поучать нас, как надо «правильно жить». Митрофан Воронежский, денно и нощно трудясь на ниве укрепления Православной Веры, сумел оградить наш народ от пагубного чужеземного влияния.

Пока был жив воронежский епископ, царь Пётр не очень-то смотрел в сторону Европы – так, поглядывал, не более. Российский самодержец вынашивал иной план, в Воронеже осуществляя его начальный этап. План тот – выход к тёплым морям – «красная нить» русской геополитики со времён, как минимум, Олега Вещего. Именно такими «красными нитями» русские правители ткали полотно отечественной истории. «Твой щит на врагах Цареграда»... Щит, но не меч – защита Православия. И это ещё одна нить, уже золотая, небесная, основополагающая для Русской державы во все времена и эпохи.

В августе 1703 года епископ Митрофан тяжело заболел, был пострижен в схиму с именем Макарий и вскоре скончался. В день земной кончины святителя Пётр I мчал по дороге из Москвы в Воронеж. Царь свой визит в наш город наметил заранее и, конечно, не мог предполагать, что воронежский старец в эти дни отдаст Богу душу. О преставлении епископа он узнал в пути и, услышав о смерти старца, ещё более поспешил. В Воронеже Пётр Алексеевич принял личное участие в погребении святителя Митрофана. До самой усыпальницы монарх на своих плечах нёс домовину с телом почившего. Перед тем, как предать земле воронежского святителя, русский венценосец сказал важные слова: «Нет у меня более такого старца, нет и не будет». Весьма знаменательная фраза! Конечно, впоследствии другие старцы при Петре находились, и он к ним порой даже прислушивался, а всё же такого, как Митрофан Воронежский – нет, не было.

Потом царя захватили иные заботы. Выход к тёплым морям был если и не заброшен, то основательно «заморожен». Прорыв на Запад – вот что стало главной идеей Петра Великого, на осуществление которой он положил свои силы и силы народные. В который раз пришлось перемалывать русским людям чуждый им менталитет, однако благодаря озарённой светом истинной Веры «духовной вакцине», что сумел привить сознанию наших предков святитель Митрофан, первый воронежский епископ, мы, русские, несмотря ни на что, остались русскими, православными.

Игорь Маркин

Кончина святителя Митрофана воронежского.

КАЖДЫЙ ПО ВЕРЕ ПОЛУЧИТ ПРОСИМОЕ

15 июля – день празднования «Ахтырской Козельской» иконы Божией Матери.

В Антониевском храме нашем в потаённой тишине вот уже несколько лет пребывает чудная святыня – «Ахтырская Козельская» икона Божьей Матери, по обету переданная в дар храму одной из его прихожанок, прадед которой, Василий Алексеевич Жиров, регент Преображенского собора в Павловске Воронежской области, долгие годы был её хранителем. Ближе знал он и митрополита Калининского и Кашинского Алексия (в миру Виктора Александровича Коноплева), памяти которого посвящён публикуемый в этом номере нашего издания рассказ Александра Орлова «Время тишины».

В этом году минуло 155 лет с момента первого обретения «Ахтырской Козельской» иконы Пресвятой Богородицы. Пришло время нарушить тишину и объявить о местонахождении её и поведать удивительную историю этого первого обретения святыни. О том же, что предшествовало передаче святыни в наш храм, мы будем рассказывать в очередных номерах «Вестника Антониевского храма».

Во второй половине XIX века в Вознесенском храме города Козельска произошло явление чудотворной «Ахтырской Козельской» иконы Пресвятой Богородицы.

Один из иноков Оптиной Пустыни весной 1868 года заболел воспалением лёгких. В критическую минуту развития болезни, в ночь на 21 мая, Господь сподобил его в тонком сне, как бы в болезненной забывчивости, увидеть следующее: два мужа (первый дал понять, что он – великомученик Георгий, второй походил на изображение святителя Николая) подняли инока как бы в вихре на воздух, пронесли по воздуху и поставили в долине близ Козельска на холме. Обратив его внимание на то место, где высилась группа из трёх церквей: Николаевской, Георгиевской и Вознесенской, явившиеся в видении мужи указали на чуть видное здание, имеющее форму старинных башен, какой и была колокольня Вознесенского храма до 1870 года, и на стоящую как бы на воздухе близ указанного здания небольшого размера икону. Именовавший себя Георгием сказал: «Это «Ахтырская» икона Божией Матери. Хочешь быть здоров – отслужи перед ней молебен Богоматери!» Инок дал обет отслужить молебен пред «Ахтырской» иконой Богоматери, находящейся в Казанском монастырском храме, а со временем отыскать святую икону, указанную в видении. Обет он дал, но сразу не выполнил. Поэтому сначала он стал, было, быстро выздоравливать, но вскоре болезнь вернулась с такой силой, что всем стало казаться, что минуты жизни его сочтены. В это тяжкое время инок вспомнил о видении под 21 мая и открылся своему духовному отцу. После этого по просьбе его 6 июня икону стали разыскивать два козельчанина. Они сначала осмотрели Николаевскую и Георгиевскую церкви, но ничего в них не нашли, потом пришли в Вознесенскую церковь и в сопровождении священника и церковного старосты обследовали её внутри, но никакой иконы не обрели. Священник вспомнил, что на чердаке храма есть некоторые старинные иконы. Но и там не нашли иконы и уже хотели уйти. В эту минуту священнику пришла мысль заглянуть под балку, лежащую перед самым входом с чердака на колокольню. Опустив туда руку, он нащупал небольшого размера икону, которая и была «Ахтырской» иконой Божьей Матери. 7 июня был отслужен молебен пред обрётённым образом Богоматери. Вода, которой омыли святую икону, была перелана больному иноку, а 8 июня принесен был в его келью и святой образ. Больной узнал в нём икону, показанную ему в видении, и очень скоро выздоровел.

Эти события так описаны в келейных записках оптинского старца Варсонофия: «Рассказывал мне бывший игумен Мещовского монастыря отец Марк, живущий ныне на покое в Оптиной Пустыни: «Помню, это было, кажется, в 1867 году. Был я сильно болен и не чаял, что поднимусь. В это время жил я в Оптиной Пустыни. Вижу однажды, как бы в тонком сне, будто стою на поляне, что около Козельска и против трёх церквей. Восходит солнце. С правой и с левой стороны стоят подле меня какие-то существа. Замечаю, что солнце, видимое мною, есть икона, стоящая на чердаке Вознесенской церкви. На вопрос мой к тому, который стоял около меня с левой стороны, кто он, тот ответил: «Я – Георгий! Икона, видимая тобою, есть икона «Ахтырской» Божией Матери».

Проснувшись, я передал об этом отцу Амвросию. Начались поиски по всем церквям Козельска, но иконы «Ахтырской» Божией Матери нигде не находили. Искали и в Вознесенской церкви. После долгих и безуспешных поисков священник той церкви отец Димитрий открыл икону на чердаке церкви, лежащую в пыли и в мусоре. Святая икона была тогда же принесена торжественно в Оптину Пустынь, а я, приложившись к ней после молебна, получил облегчение от недуга и вскоре выздоровел совершенно». После многих чудес от сей иконы люди с верою приходили к ней».

Эту же историю пересказывает и известный писатель Сергей Нилус, который лично знал оптинского иеромонаха Марка (Чебыкина; мирское имя игумена – Михаил). Перед смертью монаха Нилус спросил у него о чуде, о котором тогда, в конце XIX – начале XX века, молва была ещё жива: «Батюшка! – спросил я, – правду ли мне говорили, что Вы как-то были тяжело больны, так что и врачи от Вас отказались? Сказывали мне, что Вы удостоились тогда видеть во сне Царицу Небесную, которая Вам повелела послать в Козельск за Своей иконой, о которой до Вашего видения никто не знал, и исцелились? Правда ли это?»

Глаза отца игумена просияли, и он ответил радостно: – Да, было! [Сергей Нилус. На берегу Божьей реки].

Вот что интересно: чудо обретения иконы случилось незадолго до решения закрыть Вознесенскую церковь и распустить её приход, потому что к тому времени и обитель давно была упразднена, и её главный собор обветшал. Тогдашнее церковное и светское начальство равнодушно решило поставить крест на святом месте, но Божия Матерь, верят православные, этого сделать не позволила.

Мало кто знает, что в XV веке монастырь Оптиной Пустынь существовал как «двойной», или «общий» монастырь, где проживали совместно монахи и монахини. В те времена это был довольно распространённый тип монастыря, на этот факт также указывают записи в синодике умерших схимонахов и схимонахинь. Одна из версий происхождения названия «Оптина» и состоит в том, что это была «Общая Макарьева Пустынь», и уже в XVIII столетии именовалась как: «Оптин монастырь Макарьевой Пустыни».

К концу XV века земли вокруг Оптиной Пустыни вошли в состав Московского княжества, а Собором русских епископов в Москве на митрополичью кафедру был поставлен Иона, тем самым Русская Церковь стала фактически автокефальной. Одним из решений Собора Русской Православной Церкви 1503 года стало решение об упразднении «двойных» монастырей и необходимости их расселения. Во исполнение решения Собора монахини Оптиной Пустыни оставили монастырь и перешли на другой берег реки Жиздры, где и основали женскую обитель. Тогда-то и был основан девичий Вознесенский монастырь. Его «сердцем» стала трёхпрестольная церковь Вознесения Господня – древнейший храм Козельска

(заложен в 1620 году). Центральный алтарь – в честь Вознесения Господня, южный – в честь великомученика Георгия Победоносца, северный – в честь «Ахтырской» иконы Божией Матери. Главной святыней Вознесенской церкви является «Ахтырский» образ Пресвятой Богородицы. По преданию, Царица Небесная открыла в храме это бесценное сокровище в 1868 году. Запись о чудесном событии архимандрит Леонид (Кавелин) сделал в 1875 году на страницах «Краткой летописи Козельска». Считается, что эта многоцелебная, с неоскудевающей благодатью икона и спасла в своё время обветшавший храм от дальнейшего запустения и полного обнищания.

Козельская Вознесенская церковь (ул. Земляной вал, 4), прежде пятиглавая, была построена в первой четверти XVII века как собор женского Вознесенского монастыря. Трапезная в 1740 году соединила колокольню с храмом. Новые трёхъярусная колокольня и трапезная с Пятницким и Михайловским приделами были выстроены в 1870-1873 годах.

В 1931 году церковь была закрыта, завершая снесены, основная постройка искажена перестройками. В годы Великой Отечественной войны колокольня была разрушена попавшим в неё снарядом. В советское и постсоветское время на территории монастыря располагался козельский филиал калужского хлебозавода.

Сегодня Вознесенская церковь монастыря, которая является самым древним каменным строением Козельска, входит в список «Объектов культурного наследия федерального значения» и принята на государственную охрану. Воссоздание порушенной обители началось в июле 2015 года по благословению епископа Козельского и Людиновского Никиты.

Молятся перед иконой «Ахтырской Козельской» Божьей Матери о даровании смирения, счастья и успеха детям (икона считается покровительницей самых маленьких). Молятся перед образом и просящие о благополучном замужестве дочерей, о молитвенном покрове для сирот и вдов. А также об исцелении от лихорадки и о врачевании вообще всякой болезни.

Слава о чудотворениях новоявленной «Ахтырской» иконы Божьей Матери в XIX столетии быстро распространилась повсюду через посещающих Оптину Пустынь богомольцев и с каждым днём привлекала в бедный Вознесенский храм большее и большее число страждущих душевными и телесными недугами. И каждый из них по вере своей получал просимое. Тогда архиепископ Калужский и Боровский Григорий (Миткевич) повелел «поставить икону на благоприличном месте и отправлять молебствия по желанию приходящих». Пусть будет так впредь и в нашем храме.

Козельский Вознесенский монастырь. Архивное фото.

РОДСТВО

Далеко мои братья, они не вернутся назад.
В белизне облаков ни знамений, ни знаков не вижу.
Босоногие девушки давят тугой виноград,
море каждую ночь подползает к деревне поближе.
Море каждую ночь оmyвает измученный пляж,
море тянет тепло из песка в голубые глубины...

Я последняя здесь. Самый древний хранитель и страж.
Далеко мои братья, и мне не угнаться за ними.

Далеко мои сёстры, они не подсядут к огню,
не распустят, смеясь, золотистые мокрые косы.
Я не помню их лиц, я не помню, кого я храню,
солоньё мои сны, и молитвы мои – безголовы.
Уже много приливов никто не заходит в мой дом,
не приносит мне бусы из перьев, не ищет совета.

Когда я догорю, кто придёт из тумана потом?
Далеко мои сёстры, от них не дожидаться ответа.

А над хужиной звёзд – бесконечная яркая зыбь.
Я даю имена этим звёздам, вплетаю их в память.
Души здешних людей после жизни вселяются в рыб
и в сетях человеческими смотрят живыми глазами.

Я люблю это место.
Я знаю здесь всё наизусть:
каждый звук, каждый парус
и след на песчаном покрове...

Далеко мои братья и сёстры.
Я к ним не вернусь.

Есть родство,
что в нас бьётся
отзывчивей голоса крови.

Анастасия Кинаш

Константин Васильев. Над Волгой.

С вопросами и предложениями можно обращаться к протоиерею Николаю Бабичу:
тел.: +7 (951) 860-40-40, Viber: +7-951-860-40-40, ВКонтакте: vk.com/snt.antoniush,
Telegram: @NikolaiBabich.

Адрес храма и редакции: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А.
E-mail: Snt-Antoniush@yandex.ru.

Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antoniush.ru

Учредитель, издатель – Местная религиозная организация православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Адрес издателя: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А

Редакционная коллегия:
протоиерей Николай Бабич, Римма Лютая
Главный редактор: Бабич Николай Николаевич,
протоиерей. +7 (951) 860-40-40
Выпускающий редактор, ответственный
секретарь, корректор:
Римма Лютая. +7 (960) 115-69-06

Редактор отдела истории и краеведения: Игорь Маркин
Дизайн, макет, вёрстка: Наталья Назаренко
Отпечатано: АО «Воронежская областная типография –
издательство им. Е.А. Болховитинова»,
г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.
Тираж: 999 экземпляров. Заказ: № 000.
Дата выхода издания в свет: 14.09.2023 г.

Издаётся на средства
и трудами благотворителей.

Не используйте наше издание
в хозяйственных целях.
Цена: бесплатно.
Распространяется за пожертвование.

0+